

А.М. ЖУЛЬНИКОВ

Петрозаводский государственный университет
rockart@yandex.ruОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА ОНЕЖСКОГО БЕСА
В КОНТЕКСТЕ ДРЕВНИХ НАСКАЛЬНЫХ
ИЗОБРАЖЕНИЙ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫFEATURES OF THE IMAGE OF THE ONEGA BES
IN THE CONTEXT OF ANCIENT ROCK CARVINGS
OF NORTHERN EUROPE

Аннотация. Статья посвящена изучению одного из наиболее выразительных наскальных изображений на Онежских петроглифах – фигуре «Беса», названной так в Средневековье местными жителями. В ходе исследования выполнена реконструкция первоначального облика Беса, установлены его специфические признаки, выявлены аналогии этой фигуре среди петроглифов Онежского озера и некоторых групп наскальных изображений севера Фенноскандии. Полученные данные свидетельствуют о том, что фигура Беса имеет сходство по целому ряду признаков с некоторыми антропоморфными изображениями Северной Европы, датируемых по высотным данным (Альта) или облику инвентаря (подношения?) (Канозеро) финалом энеолита – началом эпохи бронзы (2700–1700 calBC). В это время на территории Восточной Фенноскандии получает распространение асбестовая керамика типа Палайгуба. Группы населения с керамикой этого типа являются наиболее вероятными создателями образа Беса на Онежских петроглифах.

Ключевые слова: Северная Европа, антропоморфное изображение, петроглиф, Бес, сом, выдра, лебедь, энеолит, асбестовая керамика.

Abstract. This article examines one of the most striking petroglyphs of Lake Onega, which depicts an anthropomorphic figure known as Bes, named by locals during the Middle Ages. The study reconstructs the original image of Bes and identifies its specific features. Moreover, it compares this figure with other anthropomorphic figures found in the petroglyphs of Lake Onega and other groups of rock carvings in northern Fennoscandia. Through this comparison, the article finds that the figure of Bes has similarities with North European rock carvings from the end of the Eneolithic to the early Bronze Age period, which dates back to 2700–1700 calBC, according to altitude data (Alta) and the inventory (offerings?) (Kanozero). The time period of the Bes figure creation coincides with the spread of asbestos ceramics (Palaiguba type) in the territory of Eastern Fennoscandia. Therefore, the article suggests that the cultural groups who used the asbestos pottery of Palaiguba type are the most likely creators of the image of Bes.

Keywords: Northern Europe, anthropomorphic image, petroglyph, rock carvings, Bes, catfish, otter, swan, Eneolithic, asbestos ceramics.

Введение

Онежские петроглифы – это одно из крупнейших скоплений монументально-наскального творчества древнего населения Северной Европы, которое состоит из 25 локальных групп, расположенных на протяжении 20 км восточного побережья Онежского озера (рис. 1). На Онежских скалах известно более 1200 отдельных фигур. Около половины из них являются изображениями водоплавающих птиц, в основном лебедей. Многие фигуры водоплавающих птиц на Онежских петроглифах имеют непропорционально удлиненную шею, чего не наблюдается в других скоплениях наскальных изображений Северной Евразии. Другие относительно массовые сюжеты петроглифов на восточном берегу Онега: лось, лодка, антропоморф, абстрактная фигура.

В районе Бесова Носа (рис. 1) во многих группах петроглифов наблюдается примерно равное количественное сочетание фигур, выбитых в силуэтной и контурной технике, довольно высока доля абстрактных фигур (многие из них напоминают изображение полумесяца с выступом в виде петельки или двух линий-лучей), антропоморфов и лодок. В приустьевой части р. Водла на полуострове Кочковнаволок доминируют контурные и линейные фигуры лебедя, абстрактные петроглифы не представлены, а изображения антропоморфов и лодок единичны. Фигуры в Водлинском микрорегионе часто крупнее, чем в районе мыса Бесов Нос.

Наскальные изображения района Бесова Носа (рис. 1), судя по некоторым аналогиям с датированными по высотным данным петроглифами Альты, являются более ранними, чем гравировки, расположенные в приустьевой части реки Водла на полуострове Кочковнаволок (рис. 1) [Блышко, Жульников, 2021].

На западной оконечности мыса Бесов Нос, глубоко вдающемся в Онежское озеро (рис. 1), древними людьми выбита крупная (длина – 2,46 м) антропоморфная фигура, получившая у местного населения наимено-

вание «Бес». В научной литературе изображение Беса с начала XX века стало визитной карточкой Онежских петроглифов. Тело гигантского антропоморфа силуэтное, прямоугольных очертаний, на контурной прямоугольной голове обозначены части лица: линия носа, открытый рот и два глаза – один в виде силуэтного кружка с лункой в центре, второй – контурный, с кружком в центре. Поверх антропоморфа примерно в XIV–XV веках, предположительно монахами Муромского монастыря, выбит крест и монограмма Христа [Брюсов, 1940. С. 107; Савватеев, 1983. С. 61] (рис. 2: 4).

Помимо гигантского антропоморфа на западной оконечности мыса Бесов Нос находится минимум 161 изображение [Poi-kalainen, Ernits, 2021. P. 75], среди которых доминируют фигуры лебедей. Примерно в центральной части скального полотна по обе стороны от Беса расположены крупные фигуры сома (2,65 м) и выдры (2,56 м) (рис. 2). Ранее эти фигуры принимались исследователями за изображения налима и ящерицы. Показательно, что на западной оконечности мыса Бесов Нос абстрактные изображения не представлены, что может свидетельствовать о хронологических различиях между группами петроглифов, находящихся в этой части побережья Онежского озера.

По мнению А.М. Линевского, А.Д. Столяра и Ю.А. Савватеева, именно с момента появления на оконечности мыса Бесов Нос крупных фигур, составляющих так называемую «Триаду», началось развитие Онежского петроглифического святилища [Линевский, 1939. С. 108–114, 124; Столяр, 1978; Савватеев, 1983. С. 66]. В.И. Равдоникас, опираясь на мнение известного финского историка и археолога А.М. Тальгрена [Тальгрэн, 1914], напротив, посчитал Беса одной из самых поздних фигур на Онежских петроглифах [Равдоникас, 1936. С. 88]. К данному предположению В.И. Равдоникаса присоединился и А.Я. Брюсов [1940. С. 107]. По мнению Н.В. Лобановой, фигуру Беса нельзя считать самой ранней на Бесовом Носу

поскольку, по данным исследователя, антропоморф выбит поверх двух контурных

изображений водоплавающей птицы [Лобанова, 2015. С. 216, Рис. 148].

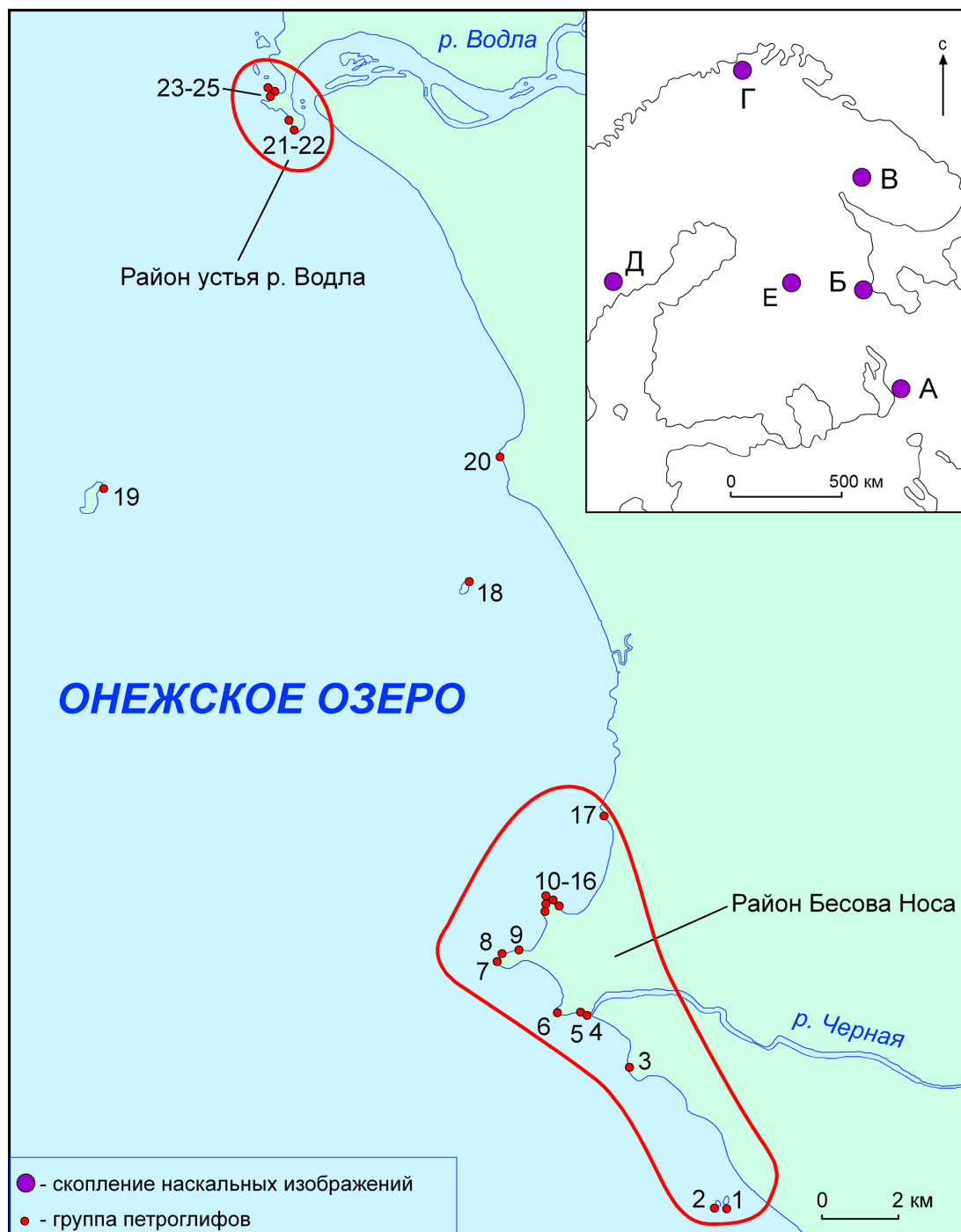

Рис. 1. Карта расположения Онежских петроглифов и иных крупных скоплений наскальных изображений Северной Европы, упоминаемых в статье (на врезке). А – Онежские петроглифы, Б – Беломорские петроглифы, В – Канозерские петроглифы, Г – петроглифы Алты, Д – петроглифы Немфорсена, Е – писаницы Вярикаллио.

1 – Остров Большой Гурий; 2 – Остров Малый Гурий; 3 – Гажий Нос; 4 – Корюшкин Нос; 5 – Остров Корюшкин; 6 – Кладовец Нос; 7 – Бесов Нос (западная группа), 8 – Бесов Нос (центральная группа); 9 – Бесов Нос (северная группа); 10–15 – Пери Нос I–IV, VI–VII; 16 – Остров Модуж, 17 – Карецкий Нос; 18 – остров Михайловец; 19 – Остров Большой Голец; 20 – Черный Мыс; 21–25 – Полуостров Кочковнаволок (группы I–V).

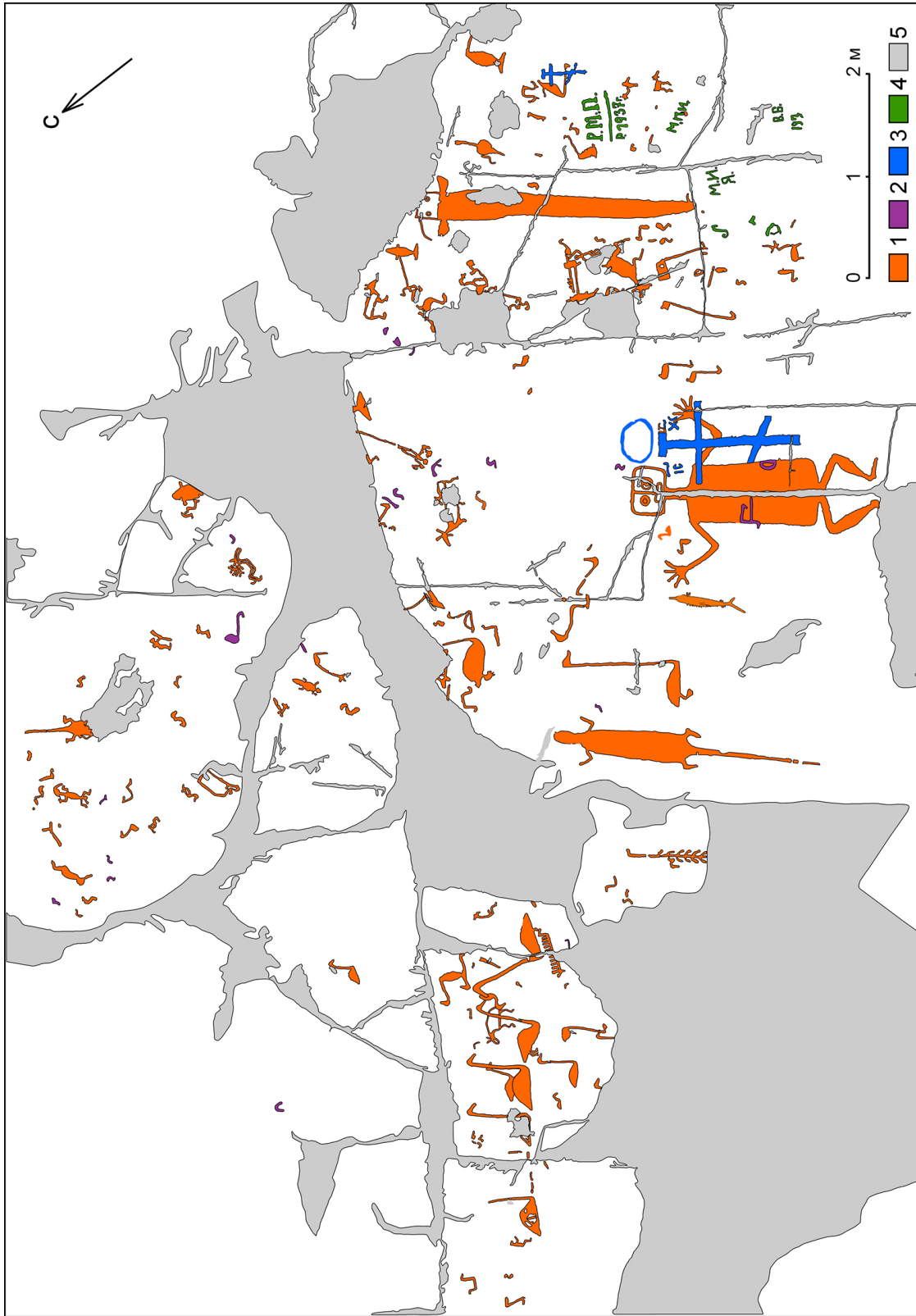

Рис. 2. Схема расположения петроглифов и современных гравировок на западной оконечности Бесова Носа (центральная часть скопления) с обозначением утраченных частей скалы (на основе плана В. Пойкалайнена и Э. Эрнитса [Poikalainen, Erntis, 2021. P. 81]). 1 – петроглифы, зафиксированные В. Пойкалайненом и Э. Эрнитсом; 2 – иные изображения на мысе Бесов Нос, опубликованные Н.В. Лобановой [2015]; 3 – средневековые гравировки; 4 – современные выбивки; 5 – утраченные участки скалы.

Рис. 3. Общий вид на фигуру онежского Беса в лучах заходящего солнца

Рис. 4. Вид на голову Беса, выполненную в контурной технике

Изображение Беса, по предположению А.М. Линевского, намеренно размещено на месте расположения природной трещины так, чтобы ее развилка начиналась в области рта антропоморфа, проходя через его туловище в Онежское озеро (рис. 2–4). Подобная имитация трещиной пищевода может быть свидетельством ритуала «кормления» Беса кровью, что имеет аналогии в зафиксированных этнографами у народов севера Сибири обрядах поклонения идолам [Линевский, 1939. С. 120]. Как полагал А.Д. Столяр, прообразом для прямоугольной фигуры Беса могли быть чурбанообразные деревянные идолы, получившие широкое распространение у древнего и современного населения лесной полосы Евразии [Столяр, 2001. С. 190–192].

Автором данной статьи ранее отмечен ряд признаков в изображении Беса, которые имеют многочисленные аналогии в традиционном и древнем искусстве, мифологии многих народов мира, что позволяет отнести некоторые образные характеристики этой фигуры к разряду универсалий первобытной культуры [Жульников, 2005. С. 26–35]. Тем не менее, вряд ли возможно свести семантику онежского Беса к выявлению (на основе универсалий) символики его отдельных «деталей», поскольку среди них есть и такие, которые имеют локальное (в пределах Бесова Носа) или региональное распространение, а иногда обнаруживаются в группах наскальных изображений, созданных населением, относящимся к различным культурно-хозяйственным типам и явно разным системам мировоззрения.

Таким образом, несмотря на наличие целого ряда исследований, затрагивающих вопросы происхождения и семантики фигуры Беса, определение места этого антропоморфа среди иных мифологических образов древнего населения Северной Евразии оказалось затруднено без решения проблемы его хронологии и определения культурной принадлежности.

Цель настоящего исследования:

Определение времени создания фигуры Беса на Онежских петроглифах путем определения ее общих и отличительных особенностей среди наскальных изображений Северной Европы.

Задачи исследования:

1. Реконструкция утраченных частей антропоморфной фигуры Беса и ряда иных петроглифов, расположенных на западной оконечности Бесова Носа.
2. Выявление специфических признаков фигуры Беса и некоторых изображений животных на мысе Бесов Нос путем сопоставления их с естественными прототипами.
3. Изучение планиграфических данных о размещении на мысе Бесов Нос фигур, сходных по стилю и иным признакам с изображением Беса.
4. Установление аналогий гигантской антропоморфной фигуре среди иных петроглифов Онежского озера, в наскальных изображениях Северной Европы (по сочетанию признаков).
5. Поиск черт сходства фигуры Беса в древнем мобильном искусстве лесной полосы Европы и Западной Сибири.

Методика исследования и материалы

Первую попытку разобраться в последовательности появления наскальных изображений на западной оконечности мыса Бесов Нос предпринял А.М. Линевский [1939], применив разработанный им метод «топографического» (по современной терминологии – планиграфического) анализа.

Методика, примененная А.М. Линевским для определения стадийности во времени появления фигур в пределах отдельных наскальных полотен, состоит из следующих приемов:

- раскрашивание неодинаковой краской разных видов фигур и выявление отличий в их расположении на площади наскального панно;
- определение зависимости в расположении фигур относительно друг друга путем закрывания наиболее крупных изображений;
- замеры изображений разных видов в пределах одного панно с целью установления существенных отклонений от реальных пропорций между антропоморфными персонажами, отдельными видами животных и изображениями лодок, композициями из этих фигур;
- поиск сходных по размерам изображений и выявление особенностей их расположения относительно друг друга для установления единовременности их создания;
- промеры расстояний между изображениями с целью определения зависимости их расположения от иных фигур.

В отдельных случаях А.М. Линевским учитывалось и наложение фигур друг на друга.

Опираясь на разработанный метод, исследователь обратил внимание на то, что фигуры выдры и сома на Бесовом Носу занимают зависимое положение от изображения Беса. По данным исследователя, очевидно, что наиболее крупные в этом скоплении гравировки появились раньше большинства иных петроглифов, так как вдоль изображения сома (по А.М. Линевскому – налима) полосой расположены небольшие фигуры.

Методика, предложенная А.М. Линевским для изучения относительной хронологии петроглифов Карелии, представляет несомненный интерес и в настоящее время. Тем не менее, по сравнению с первой половиной XX века, мы имеем уже значительно большее число групп наскальных изображений, выявленных в разных регионах Северной Европы, и можем, при определении времени создания отдельных изображений, опереться не только на пла-

ниграфический анализ скопления древних гравировок, но и на данные по хронологии иных групп петроглифов, полученные при анализе высотных отметок наскальных панно, радиоуглеродный анализ отложений, иногда перекрывающих древние изображения.

На данный момент при определении хронологии наскальных изображений на территории Скандинавии используется в основном сочетание высотной датировки и формально-типологического метода. Типологический метод позволяет объединять достаточно разнородные изображения в определенные группы по наборам признаков, а данные по высотному расположению выделенных групп дают основание для их датирования. Возможность установления хронологии наскальных изображений по высотным данным существует в тех регионах Фенноскандии, где петроглифы или писаницы расположены на берегах водоемов, испытывающих компенсационное послеледниковое поднятие Балтийского щита (Альта, Немфосен, низовье реки Выг, некоторые иные скопления древних изображений) [Forsberg, 1993; Helskog, 1988; 2014; Жульников, 2010]. Участок восточного побережья Онежского озера в районе Бесова Носа находится у так называемой линии «равновесия», где поднятие берега почти не ощущается, поэтому надежное использование данных высотной датировки возможно здесь только для определения периода окончательного выхода скал из под уреза воды. Судя по палеогеографическим сведениям, этот процесс завершился в атлантическое время, на этапе ксерофитизации растительного покрова, около 5800 лет тому назад (в радиоуглеродных некалиброванных датах) [Девятова, 1986. С. 36], что, по современным представлениям, соответствует начальному периоду неолита.

В некоторых случаях при датировании наскальных изображений, расположенных на участках изостатического поднятия Балтийского щита, возможно использование

данных по хронологии и высотному расположению расположенных рядом с петроглифами древних поселений [Жульников, 2010]. В низовье реки Выг одно из крупнейших в этом районе скоплений петроглифов Новая Залавруга оказалось перекрыто сверху культурным слоем энеолитического поселения, надежно датированного радиоуглеродным методом [Савватеев, 1977; Жульников, 2010].

Автор данной статьи скептически относится к попыткам датирования Н.В. Лобановой наскальных изображений Онежского озера исключительно временем бытования на этой территории неолитической культуры ямочно-гребенчатой керамики, поскольку именно стоянки с подобной керамической посудой наиболее многочисленны в районе, где концентрируются пункты находок с древними гравировками [Лобанова, 1993; 2015]. Следует заметить, что на этой территории известны и иные древние поселения, датируемые от эпохи мезолита до раннего железного века, а из-за меняющегося под влиянием климата уровня Онежского озера скалы на его восточном побережье периодически уходили под воду [Девятова, 1986], что могло приводить к временному прерыванию петроглифической традиции.

По мнению А.А. Фараджева, единственно надежным основанием для датирования наскальных изображений является использование контекстуального подхода, согласно которому петроглифы и окружающий их скальный ландшафт должны рассматриваться в исследованиях как неразрывное целое [Фараджев, 2002; 2004]. Не отрицая хороших возможностей использования контекстуального метода при анализе отдельных локальных скоплений петроглифов, нельзя не заметить трудность его применения при сопоставлении удаленных друг от друга групп наскальных изображений Северной Европы, расположенных нередко в весьма различающейся ландшафтной ситуации. При оценке надежности применения контекстуального

подхода необходимо учитывать, что некоторые группы наскальных изображений Фенноскандии созданы населением, относящимся к разным культурно-хозяйственным типам, видимо, обладающих несколько отличным мифологическим восприятием скального ландшафта и, не исключено, имевших неодинаковые представления о предназначении петроглифических святилищ.

Для достижения поставленной цели исследования автором настоящей статьи был использован ряд методов, среди которых основным является поиск аналогий стилистическим особенностям образа Беса на достаточно широком в пространственном и хронологическом отношении фоне, в том числе путем выявления сходных признаков в надежно датированных скоплениях древних наскальных изображений Северной Европы. Предпочтение при определении общих и особенных черт гигантской антропоморфной фигуре Бесова Носа, согласно принципам типологического метода в археологии, отдано не отдельным признакам, а их комбинациям. При определении «веса» признаков (в рамках типологического анализа особенностей фигур на петроглифах) основное внимание уделено тем из них, которые имеют локальное или региональное распространение, то есть не могут быть отнесены к разряду так называемых культурных универсалий. Описание положения частей фигур на петроглифах (правая или левая сторона) дается в данной статье с позиции «зрителя».

Облик Беса и его «спутников» в научных публикациях с течением времени существенно менялся. Так, на первом опубликованном рисунке петроглифов Бесова Носа середины XIX века голова Беса показана не анфас, а в профиль, кружком нарисован один левый глаз (рис. 5: 1). У фигуры сома на рисунках первооткрывателей Онежских петроглифов П. Шведа и К. Гревинга обозначен только хвост (рис. 5: 6) [Швед, 1850; Grewing, 1855]. В моно-

графии известного английского ученого М. Беркитта, посетившего в 1914 году Онежские петроглифы, многие детали Беса переданы уже достаточно точно, хотя ряд из них оказался упущен. В частности, контур рта на опубликованном рисунке не обозначен (рис. 5: 2) [Burkitt, 1921]. В публикации В.И. Равдоникаса один глаз Беса передан в виде кружка, а второй – в виде кольца с небольшим кружком в центральной части, на туловище и голове антропоморфа детально прорисована трещина. Одна из трещин на голове Беса принята исследователем за часть древней выбивки (рис. 5: 3). Исследователь достаточно точно воспроизвел внешний контур рыбы (сома), но, по неясным причинам, не заметил, что ее голова выбита не в силуэтной, а в контурной технике (рис. 5: 7) [Равдоникас, 1936. Табл.]. В монографии А.М. Жульникова, посвященной петроглифам Карелии, эта неточность была устранена, а на сохранившейся части головы рыбы, опираясь на графитные копии, был прорисован длинный ус – видовая особенность сома (рис. 5: 8) [Жульников, 2005. Рис. 26]. В каталоге петроглифов Онежского озера, опубликованном в 2015 году Н.В. Лобановой, глаза антропоморфа показаны совершенно одинаковыми – в виде колец с кружками в центре (рис. 5: 9) [Лобанова, 2013. Рис. 3; 2015. Рис. 190: 2], а абрис фигуры сома на рисунках явно искажен (рис. 5: 9), некоторые детали этой рыбы и вовсе не обозначены [Лобанова, 2015. Рис. 147: Ж, 190: 2]. Н.В. Лобанова, объясняя проведенную ею реконструкцию облика гигантского антропоморфа Бесова Носа, предполагает, что один глаз Беса в начале XX века кем-то (!) намеренно испорчен, судя по неровной силуэтной выбивке, возможно, металлическим инструментом. Каковы могли быть мотивы неведомого вандала, «ослепившего» Беса только на один глаз, исследователь не поясняет. В подтверждение своего предположения Н.В. Лобанова приводит ссылку на вышеупомянутый рисунок М. Беркитта, где левый глаз Беса показан в виде

кольца, а правый глаз имеет обозначенный кружком зрачок [Лобанова, 2015. Рис. 148: А] (рис. 5: 2). Вполне очевидно, что на данном рисунке М. Беркитта глаза Беса показаны как разные. Следует отметить, что в каталоге Н.В. Лобановой [2015] пропорции многих фигур Онежских петроглифов весьма далеки от реальных прототипов, рисунки не подписаны, поэтому пользоваться этой публикацией для проведения сравнительных исследований довольно затруднительно. Наиболее достоверная, на мой взгляд, прорисовка сохранившихся частей фигур Беса, сома и выдры, представлена на данный момент в монографии В. Пойкалайнена и Э. Эрнитса, посвященной петроглифам района Бесова Носа [Poiikalainen, Ernits, 2021] (рис. 5: 5, 10).

Наличие подобных разночтений в публикациях, ряд утрат и палимпсестов в фигурах Беса и сома (рис. 5: 5, 10), потребовали выполнения новой прорисовки элементов этих изображений и графической реконструкции их первоначального облика. В качестве основы для реконструкции использованы фотографии, которые выполнены в ходе экспедиций Петрозаводского университета на Онежские петроглифы путем применения искусственного света (ночью) или создания эффекта бокового освещения (днем), создаваемого с помощью укрывания петроглифов черной пленкой и последующего поднимания одного из ее краев (рис. 6: 1). Затем, на основе сохранившихся частей выбивки, прорисованных по верху фото (рис. 6: 2), воссозданы утраченные фрагменты (рис. 6: 3) и сделана графическая прорисовка фигур (рис. 6: 4). Далее был проведен «эксперимент», в котором на графической реконструкции контуры глаз Беса наложены друг на друга (рис. 6: 5). В итоге, как нетрудно заметить, правый глаз Беса отличается от левого не только характером выбивки, но имеет прямоугольный контур и большие размеры. Исходя из этих данных, разноглазие Беса не вызывает сомнений. Одновременно с процессом графической реконструкции выполнялся планиграфиче-

ский анализ разных частей изображения относительно друг друга и трещины, пересекающей фигуру Беса. В ходе этой работы выявлены некоторые особенности антропоморфной фигуры, не обращавшие ранее на себя внимания, в частности, выявилась очевидная асимметрия лица Беса относительно линии носа и оси трещины (рис. 6: 6), что оказалось весьма важно при дальнейшей реконструкции последовательности создания данного петроглифа. Вдоль края силуэтного туловища Беса местами прослеживается слабо выраженная канавка, которую Н.В. Лобанова, видимо, приняла за части

контурных изображений лебедей (рис. 5: 4). В ходе исследования подтвердилось наложение фигур Беса и сома на предшествующие им изображения (палимпсест) (рис. 7: А). Внутри силуэтов антропоморфа и ихтиоморфа признаков более ранних гравировок выявить нам не удалось. Итогом процесса реконструкции облика Беса и сома, явилось создание рисунка, на котором показан их первоначальный вид в виде черно-белого изображения (негатив) (рис. 7: Б) и в виде белого силуэта на темном красноватом (естественном) фоне скалы (позитив) (рис. 7: Б).

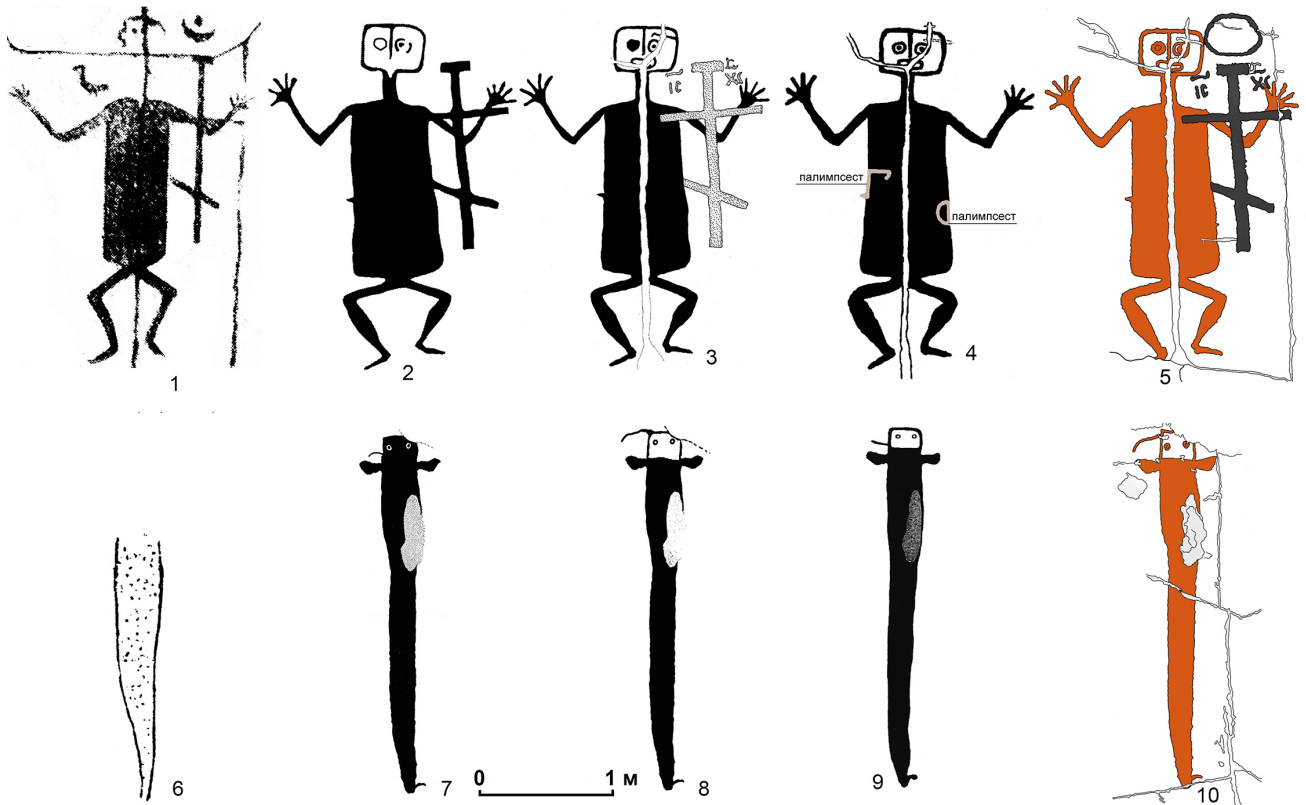

Рис. 5. Изображения фигур Беса и сома в трудах исследователей XIX-XXI вв. 1 – 1850 год [Швед, 1850]; 2 – 1921 год [Burkitt, 1921]; 3, 7 – 1936 год [Равдоникас, 1936. Табл. 29, 30]; 4, 9 – 2015 год [Лобанова, 2015. Рис. 190, 197]; 5, 10 – 2021 год [Poikalainen, Ernits, 2021. P. 151, 177]; 6 – 1855 год [Grewingk, 1855]; 8 – 2005 год [Жульников, 2005. Рис. 26].

Кроме того, при рассмотрении вопроса о хронологии фигур Беса и сома использовались данные о палимпсестах, полученные автором данной статьи в ходе полевого изучения петроглифов Бесова Носа.

При рассмотрении иконографии фигуры Беса учитывалось, что в традицион-

ном и современном искусстве для создания определенного образа героя или иного персонажа, имеющего антропоморфный вид, широко применялся и продолжает использоваться прием нарушения художником естественного соотношения пропорций тела человека или иных его частей («иде-

альный», «героический», «схематический» и т. п. облик) [Колодовский, 2014]. В этой связи, при выявлении особенностей фигуры Беса, его параметры соотнесены с пропорциями человека, с учетом того, что соотношение и конфигурация частей тела, как известно, кардинально меняются с возрастом или зависят от пола (рис. 8). Любо-

пытно, что параметры фигуры Беса в наибольшей степени напоминают пропорции эмбриона в трехмесячном возрасте. Подобным же образом сопоставлены с возможными естественными прототипами ряд фигур животных, выбитых на Бесовом Носу – сом, выдра, лебедь, бобр, белуха, стерлядь/атлантический осетр (рис. 8: Б–Ж).

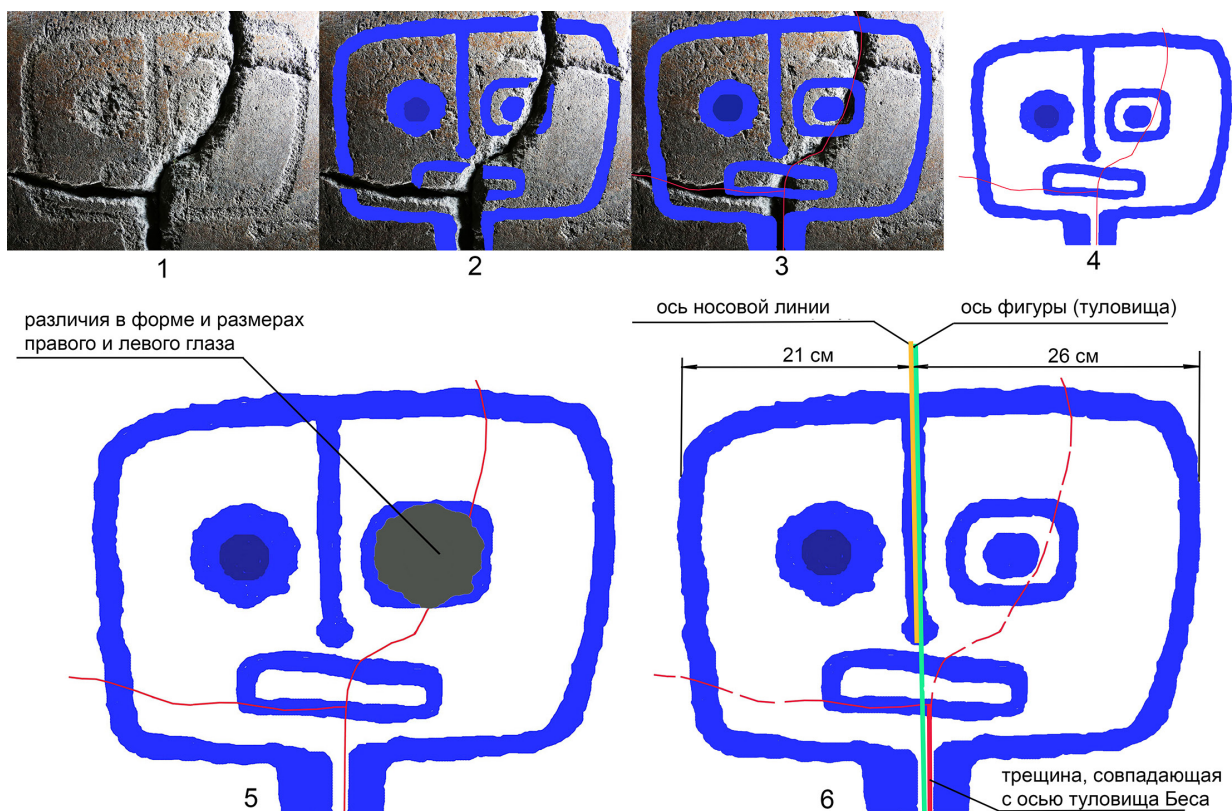

Рис. 6. Последовательность графической реконструкции головы Беса, включая процесс выявления особенностей некоторых ее частей. 1 – фотография головы Беса, выполненная при боковом свете (под черной пленкой); 2 – прорисовка по фотографии сохранившихся деталей выбивки; 3 – реконструкция по сохранившейся выбивке недостающих ее фрагментов; 4 – итог графической реконструкции головы антропоморфа; 5 – результат наложения контуров левого глаза Беса на правый; 6 – некоторые метрические характеристики головы Беса относительно линии носа, оси туловища и трещины, пересекающей тело антропоморфа.

Наличие длинного уса на сохранившейся левой стороне головы гигантской фигуры рыбы на мысе Бесов Нос позволяет уверенно определить ее как европейского сома. Европейский сом, в отличие от налима, как известно, выделяется огромными размерами (до 3–5 м длиной). У налима, на голове есть всего один короткий усик, расположенный в нижней части челюсти. В проекции сверху ус у налима не виден. В Онежском

озере сом в настоящее время не встречается. Кости сома обнаружены при раскопках энеолитической стоянки Фофаново XIII, расположенной в приустьевой части реки Шуя, у западного побережья Онега [Аськеев и др., 2022]. По этому водоему проходит северный ареал сома [Атлас..., 2003. С. 13–15]. Изображение сома на мысе Бесов Нос является единственным в первобытном наскальном творчестве Северной Европы.

Искусствоведческий прием сопоставления изображения с естественным прототипом позволяет не только определить видовую принадлежность некоторых выбитых на Онежских петроглифах животных, но и выявить некоторые иконографические особенности ряда гравировок. В частности, у фигур сома и выдры, входящих в состав Триады, оказалась непропорционально увеличена длина хвоста (рис. 8: 2, 3), что создателям петроглифов Бесова Носа, видимо, было необходимо для получения со-

размерных Бесу изображений. Примечательно, что у второй фигуры выдры, также выбитой на западной оконечности Бесова Носа (рис. 2) длина хвоста вполне соответствует его естественным размерам (рис. 8: 4). Выявленная особенность гигантских фигур сома и выдры (гипертрофированный хвост) подтверждает неоднократно высказываемое исследователями, в том числе автором данной статьи, предположение о создании Триады Бесова Носа по единому композиционному замыслу.

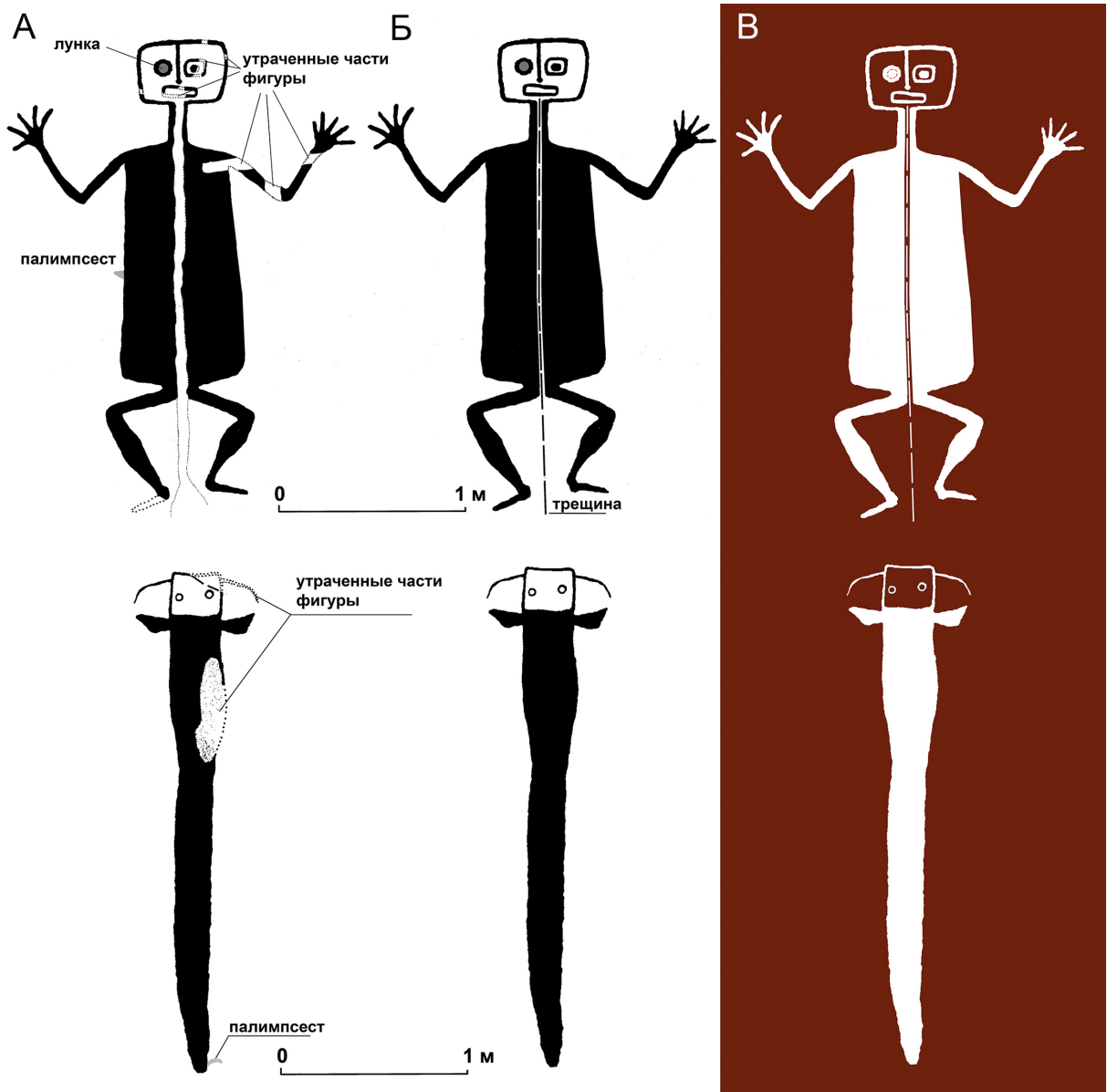

Рис. 7. Графическая реконструкция первоначального облика Беса и сома. А – фигуры с обозначением утраченных частей и палимпсестов; Б – графическая прорисовка первоначального вида фигур с реконструкцией утраченных деталей (негатив); В – графическая прорисовка реконструированных фигур на красноватом фоне скалы (позитив).

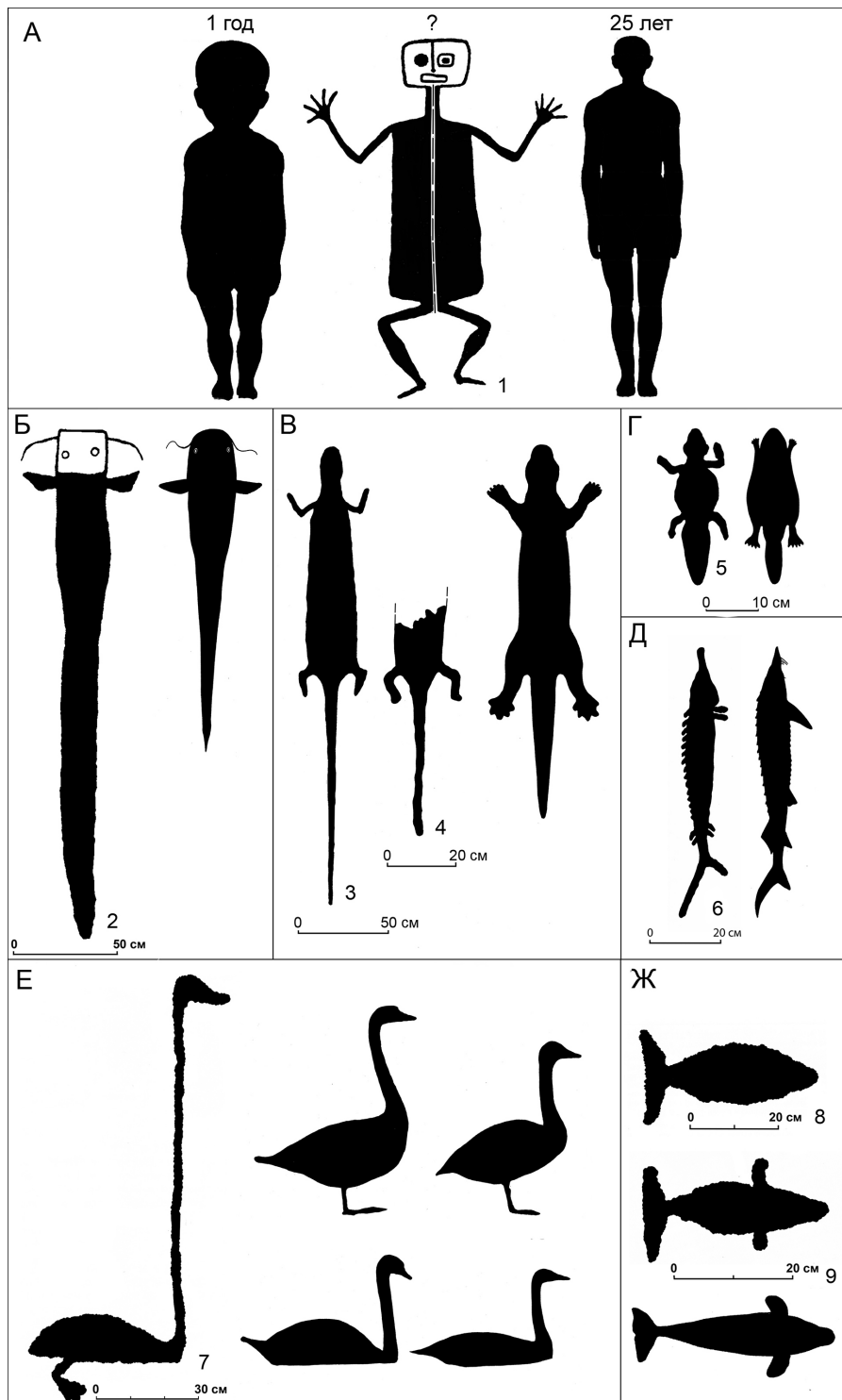

Рис. 8. Соотношение пропорций фигур на петроглифах Бесова Носа и их естественных «прототипов» (прорисовки автора по фотографиям и рисункам животных в справочниках-определителях).

А – соотношение фигуры Беса с изображениями человека в возрасте один год и 25 лет (анфас);
 Б – фигура сома (1) и вид сома в проекции сверху; В – фигуры выдр на петроглифах Бесова Носа (3, 4) и вид выдры в проекции сверху; Г – фигура бобра (5) и вид бобра в проекции сверху;
 Д – фигура стерляди или атлантического осетра (6) и вид стерляди в проекции сбоку; Е – наиболее крупная фигура лебедя на петроглифах Бесова Носа (7) и вид в профиль лебедя-шипунa, лебедя-кликунa (два варианта – на суше и в воде); Ж – фигуры белух на петроглифах Бесова Носа (8, 9) и вид белухи в проекции сверху.

На основе вновь выполненных графических реконструкций Беса и его «спутников» составлен довольно многочисленный перечень основных стилистических элементов, характеризующих данные фигуры.

Специфические черты фигуры Беса по сравнению с естественным образом человека:

1. Прямоугольная форма головы, туловища, рта и одного глаза.
2. Приплюснутая форма головы.
3. Разноглазость (правый зрачок по размерам меньше левого; правый зрачок округлый (в виде кружка с лункой в центре), левый зрачок имеет вид контурного прямоугольника с кружком в центре).
4. Линия носа начинается от верхней кромки головы.
5. Линия носа и оббитая по краям трещина, пересекающая тело Беса, образуют единую осевую линию.
6. Асимметрия лица Беса по отношению к линии носа (левая часть головы больше правой).
7. Непропорционально длинная шея.
8. Непропорционально тонкие руки (как у контурного или линейного изображения).
9. Верхняя часть туловища Беса показана анфас, а ноги – в профиль.
10. Ноги Беса начинаются от трещины, а не от прямоугольника, изображающего туловище.
11. Укороченные ноги сильно согнуты в коленях.
12. Непропорционально тонкие ноги.
13. Отсутствие выраженных признаков пола, несмотря на крупные размеры фигуры.

Особенности фигуры Беса по сравнению с другими антропоморфными изображениями Онежского озера:

1. Фигура Беса является наиболее крупным антропоморфным изображением на Онежских петроглифах.

2. Голова Беса контурная, а туловище силуэтное, что не находит аналогий среди других антропоморфов Онежского озера. Сочетание контурной и силуэтной гравировки встречается на некоторых антропоморфах Онежских петроглифов, но контурной выбивкой у них обозначена не голова, а туловище.
3. Вдоль туловища Беса местами прослеживается узкая канавка (шириной около 2,5 см), свидетельствующая о том, что край этой части фигуры первоначально намечен контурной выбивкой.
4. В верхней части туловища Беса вокруг трещины имеется довольно гладкая, возможно, заполированная область, хорошо видимая в отраженном солнечном свете (рис. 3).
5. Трещина, пересекающая туловище Беса, делит его ровно пополам, что свидетельствует о ее преднамеренном использовании при создании образа антропоморфа. Развилка трещины находится точно в полости рта Беса (рис. 4), проходя через шею, туловище, между ногами, заканчиваясь в Онежском озере. Края трещины, пересекающей тело Беса, в пределах шеи и туловища в древности были оббиты. Других примеров использования скальных трещин для создания антропоморфных образов на Онежских петроглифах не зафиксировано, если не считать имеющиеся случаи, видимо, преднамеренного размещения некоторых антропоморфов поверх естественной щели или выбоины в скале.
6. Пять пальцев на руках Беса (остальные антропоморфы на Онежских петроглифах трехпалые или не имеют обозначенных пальцев).
7. Открытый рот.

Следует отметить некоторые иные особенности Беса по отношению к другим петроглифам Бесова Носа и окружающему ландшафту (берег озера, наклон скалы):

1. Фигуры Беса и сома перекрывают более ранние петроглифы. У фигуры Беса от более ранней гравировки сохранился небольшой выступ (у левого края туловища антропоморфа) (рис. 5: 5). От нижней части хвоста сома отходит небольшой «отросток» – часть более ранней фигуры (рис. 5: 10).
2. Изображение Беса сходно с двумя другими крупными фигурами Бесова Носа (сом и выдра) по размерам, ориентировке по отношению к берегу озера и уклону скалы (вниз ногами / хвостом по отношению к воде и нижней части скалы, имеющей естественный уклон 25°), некоторым деталям выбивки. Фигуры Триады расположены параллельно, примерно на одинаковом расстоянии друг от друга (рис. 2). В центре данной композиции располагается фигура Беса.
3. Изображения Беса, сома, выдры значительно крупнее фигур лодок, лосей, морских животных, медведей, выбитых на мысе Бесов Нос. Этот факт дополнительно подтверждает композиционное единство фигур Триады.

Сходные с Бесом черты фигуры сома:

1. Почти одинаковая длина фигур.
2. Крупные размеры фигур, что отличает их от большинства иных изображений Бесова Носа
3. Контурная голова, силуэтное туловище.
4. Прямоугольная форма головы.
5. Верхняя часть фигуры сома изображена в проекции сверху, а хвост – в профиль (у Беса верх фигуры показан анфас, ноги – в профиль).

Сходные признаки выдры и сома:

1. Увеличенная по сравнению с естественными размерами животных длина хвоста.
2. Почти одинаковая длина фигур.
3. Крупные размеры изображений, причем естественные размеры выдры при-

мерно в два раза меньше ее фигуры, выбитой на Бесовом Носу.

Размещение фигур Беса и сома поверх более ранних изображений свидетельствует, что Триада не является наиболее ранней композицией на мысе Бесов Нос, как полагал А.М. Линевский и ряд иных исследователей.

Бес, учитывая его центральное расположение по отношению к фигурам сома и выдры, несомненно, является ядром горизонтально организованной композиции, которая, возможно, включает наиболее крупное на оконечности Бесова Носа изображение лебедя. Это одиночное изображение птицы размещено между фигурами выдры и Беса, имеет сходную с ними ориентировку в пространстве (головой от воды) (рис. 2). Лебедь, как и многие другие фигуры птиц на Онежских петроглифах, изображен с непропорционально удлиненной, очень тонкой шеей. Линия, изображающая шею лебедя, вытянута параллельно фигурам Триады.

Результаты сопоставления фигуры Беса с другими антропоморфными изображениями восточного берега Онежского озера и иных регионов Северной Европы

Вышеперечисленные признаки фигуры Беса, в зависимости от характера их локализации во времени и пространстве, могут быть разделены на три основных группы:

1. Первая, наиболее многочисленная группа признаков не имеет особого значения для датировки изображения фигуры Беса. Отнесенные к этой группе элементы иконографии фигур Триады имеют широкое распространение на территории Евразии, их можно отнести к так называемым универсалиям культуры.
2. Ряд стилистических приемов, характерных для фигуры Беса, получили рас-

пространение среди иных изображений, расположенных исключительно на Бесовом Носу.

- Некоторые элементы фигуры Беса имеют аналогии среди антропоморфов в ряде групп наскальных изображений Северной Европы, выделяющихся относительно узким диапазоном бытования.

К стилистическим особенностям образа Беса, имеющим аналогии в мифологии и в первобытном творчестве народов мира, не затрагивая подробно вопросы их возможной семантики, поскольку она достаточно подробно освещена в иной работе [Жульников, 2005. С. 26–35], следует отнести следующие признаки:

- Разноглазие Беса. Подобные одноглазые или разноглазые фигуры и личины известны на писаницах Финляндии, петроглифах Сибири, Монголии, Северной Америки.
- Пятипалая рука Беса. Наделение антропоморфов полным комплектом пальцев изредка встречается в наскальном и мобильном творчестве древнего населения Северной Европы, является маркером особого высокого статуса изображаемого персонажа.
- Подчеркнутое отсутствие признаков пола у Беса, пограничное его положение между природными стихиями, расположение на крупной трещине имеет широкие аналогии в мировом фольклоре, например, Старуха Лоухи (в переводе с финского данное имя обозначает – «щель», «расщелина») и т. п.
- Верхняя часть онежского Беса показана анфас, нижняя представляет собой профильное изображение в виде расставленных в разные стороны ног и ступней. Подобный прием ирреального показа частей тела обычен в наскальном творчестве Северной Евразии, в том числе при изображении копытных животных и, иногда, птиц. При таком художественном приеме в одной плоскости совмещаются виды

на фигуру с разных точек обзора. Примечательно, что подобный способ показа в ирреальных ракурсах частей фигуры наблюдается и в изображении сома, верхняя часть которого, как выше отмечено, выбита в проекции сверху, а хвост показан сбоку (рис. 8: Б).

- Подчеркнуто согнутые у антропоморфов в коленях ноги часто наблюдаются в первобытном искусстве Северной Европы и Урала.
- Такие стилистические элементы, как удлиненная шея, отсутствие ушей, укороченные ноги, приплюснутая голова, поза «поднятые вверх руки», при рассмотрении их на широком фоне, выглядят как широко распространенные изобразительные элементы в первобытном и традиционном искусстве.
- Признак «широко распахнутый рот» встречается в первобытном творчестве нечасто, но и его можно отнести к разряду универсалий мировой культуры: он является в мифологии нередко символом входа в подземный (подводный) иной мир.

Черты сходства Беса с другими антропоморфами на Онежских петроглифах (всего 73 фигуры) проявляются редко, среди них можно отметить следующие: поднятые вверх руки (15 фигур) (рис. 9); согнутые в коленях ноги; туловище анфас, а ноги в профиль (рис. 9: 1–5, 7); наличие у некоторых изображений удлиненной шеи (рис. 9: 1, 3, 6) (восемь фигур) и приплюснутой головы (четыре фигуры); выступающая вперед нога – показ движения? (рис. 9: 2, 3, 7) (12 фигур). Лишь один из этих антропоморфов, обладающий удлиненной шеей, располагается на западной оконечности Бесова Носа.

Фигура онежского Беса обладает рядом специфических признаков, которые находят аналогии среди некоторых других изображений Бесова Носа. В ходе типологического анализа этого скопления петроглифов выявлено наличие на нем целой группы сходных изображений, имеющих

прямоугольные очертания частей тела, головы или туловища: Бес, сом и семь лебедей (рис. 10). Группа фигур с прямоугольными (или близких к прямоугольным) частями тела или головы расположена компактно по отношению к другим гравировкам на мысе Бесов Нос (рис. 11), что дает основание для выделения подобных изображений в особую стилистическую группу (возможное ее условное название – «бесовоносовская»). Изображения этого «стиля» в иных группах наскальных гравировок Онежского озера не представлены, а прямоугольная форма «головы» с выступами-косичками у «танцующего» антропоморфа на мысе Пери Нос III [Жульников, 2005. Рис. 99: 14] может трактоваться как изображение особого головного убора.

На западной оконечности Бесова Носа полоса из семи изображений лебедей, отнесенных к бесовоносовскому стилю, протянулась от правой руки Беса в юго-вос-

точном направлении, вдоль склона скалы (рис. 11). Головы у шести из семи лебедей данного стиля, образующих три пары, ориентированы в сторону водоема, тогда как фигуры Триады и большинство других лебедей на мысе Бесов Нос направлены головами в сторону от воды. В подобном расположении фигур лебедей бесовоносовского стиля, включая их расположение в виде ряда между Бесом и сомом, видятся признаки наличия некоего композиционного замысла.

Для ряда фигур, отнесенных к бесовоносовской традиции, характерны прямоугольные очертания не только головы, но и туловища. В Альте (Северная Норвегия) и Немфорсене (Северная Швеция) антропоморфы с телами в виде простых геометрических фигур (треугольник, прямоугольник, овал и т.п.) начинают массово выбиваться древними людьми на стадии, предшествующей эпохе бронзы [Forsberg, 1993; Hellskog, 2014].

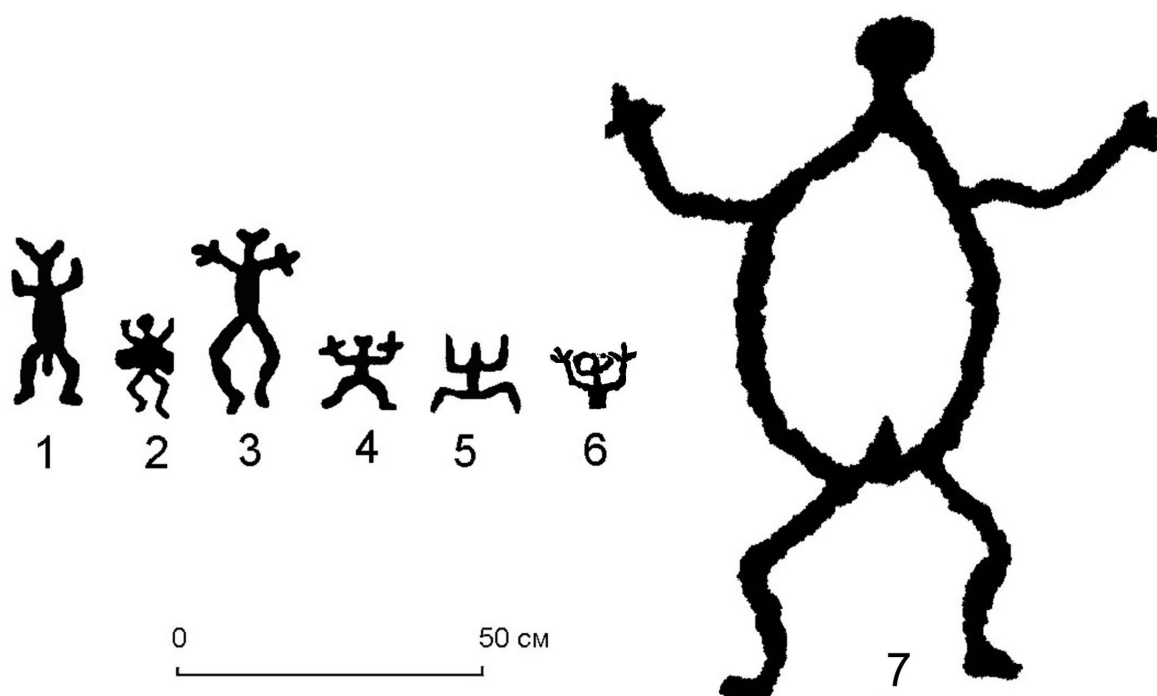

Рис. 9. Антропоморфы с поднятыми вверх руками на Онежских петроглифах. 1 – Пери Нос VI, 2 – Кладовец Нос, 3, 4, 6 – Пери Нос III, 5 – Гажий Нос, 7 – Полуостров Кочковнаволок (группа I, Северный Лебединый Нос) (прорисовка автора).

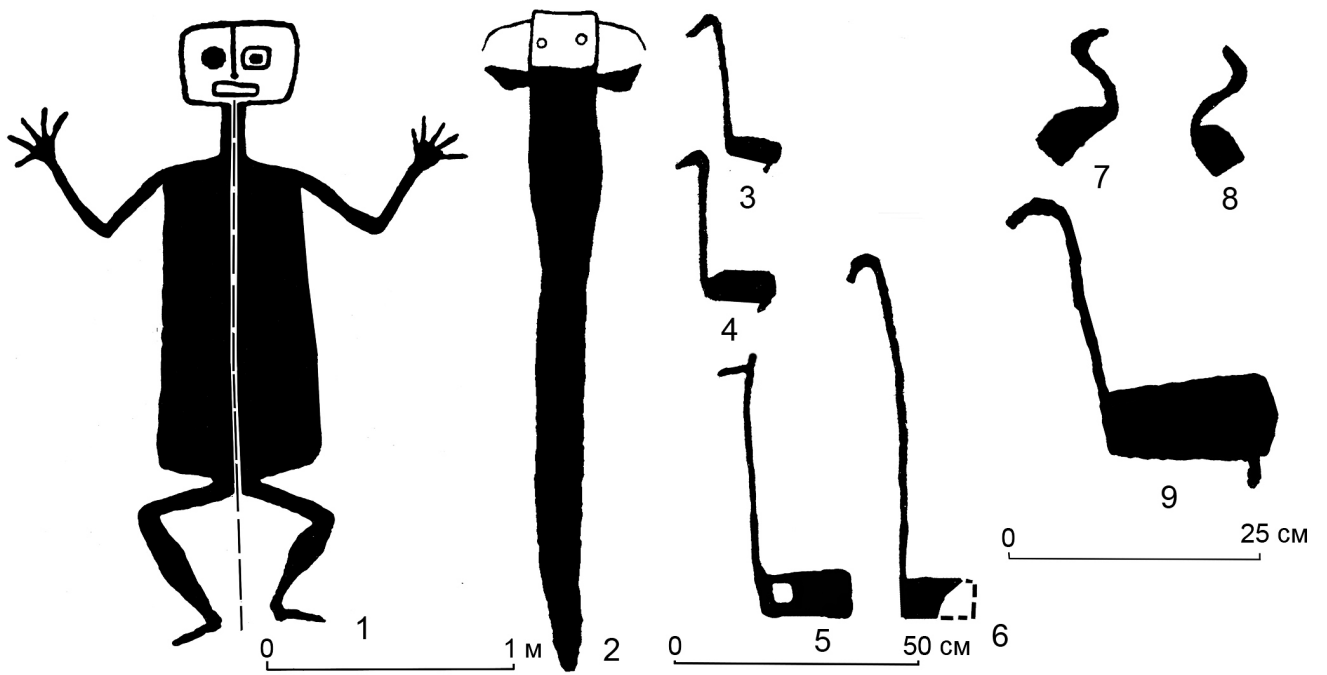

Рис. 10. Фигуры «бесовоносовского» стиля на петроглифах Бесова Носа (с прямоугольными частями туловища или головы). 1 – фигура Беса; 2 – фигура сома; 3–9 – фигуры лебедей (прорисовка автора).

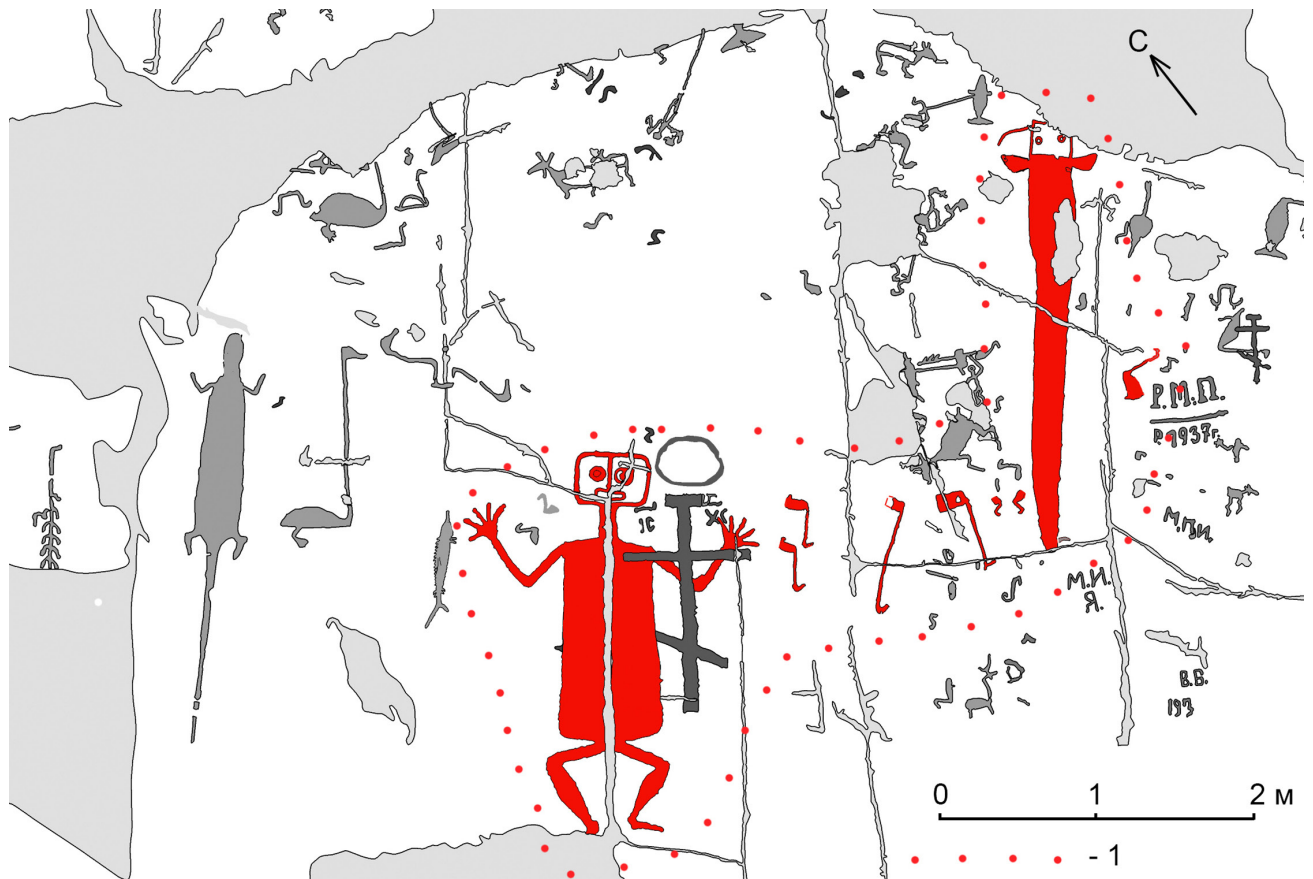

Рис. 11. Расположение фигур «бесовоносовского» стиля на западной оконечности Бесова Носа (составлено на основе плана В. Пойкалайнена и Э. Эрнитса [Poikalainen, Ernits, 2021. P. 81]. 1 – граница распространения фигур «бесовоносовского» стиля.

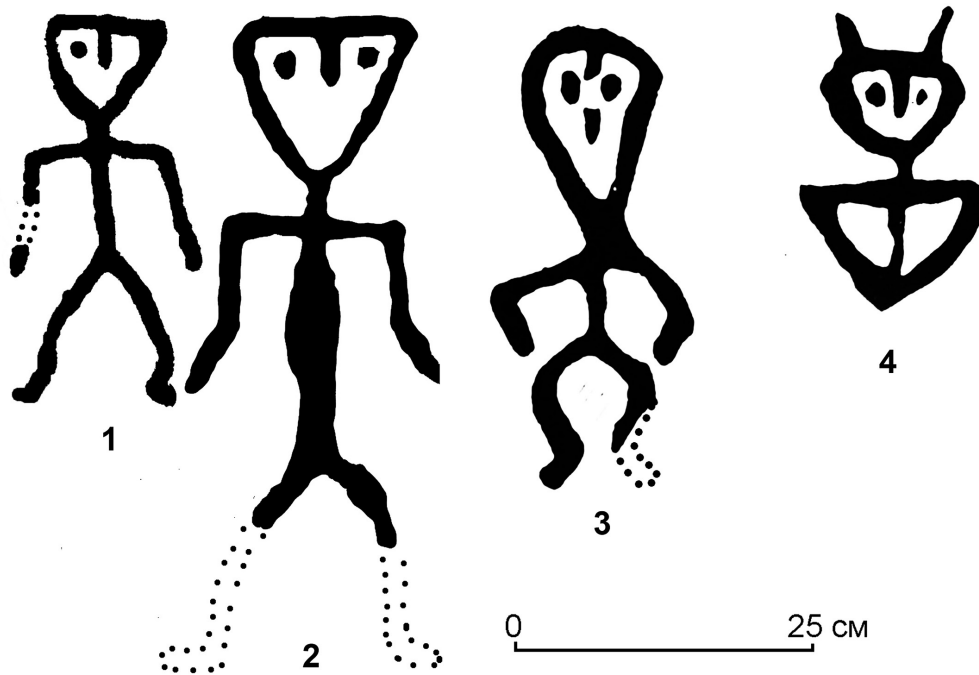

Рис. 12. Антропоморфы на писаницах Финляндии, у которых «линия» носа отходит от верхней части контура головы. 1–2 – Вяррикаллио (прорисовка автора), 3 – Уиттамонсалми III, 4 – Уиттамонсалми II [Lahelma, 2008. P. 260-261, 268].

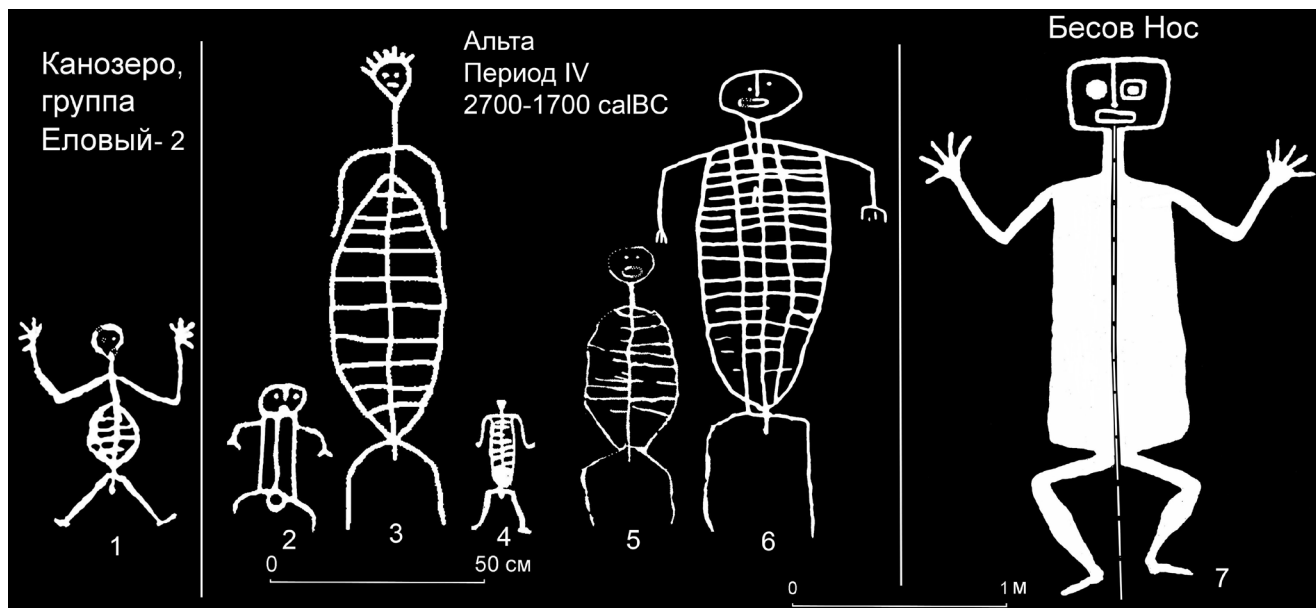

Рис. 13. Аналогии фигуре Беса на петроглифах Альты и Канозера. 1 – Еловый-2 (Канозерские петроглифы) (прорисовка автора); 2, 3, 6 – группа Амтманнснес (Альта); 4, 5 – группа Сторстейнен (Альта) [Helskog, 2014. Fig. 25, 155, 163]; 7 – фигура Беса (прорисовка автора)

Антропоморфные фигуры известны во многих скоплениях нео-энеолитических наскальных изображений Северной Европы. Некоторые из этих антропоморфов обнаруживают очевидное сходство по некоторым специфическим признакам

с фигурой Беса. Например, обозначение носа в виде линии, отходящей от верхней части контура головы антропоморфа часто встречается на писаницах Финляндии (рис. 12). На лице одной из фигур на писанице Вяррикаллио обозначен всего один

глаз (рис. 12: 1), что напоминает «разноглазие» (слепоту одного из глаз?) Беса. Можно отметить схематизм изображения головы антропоморфов (в виде треугольника) на писанице Вярикаллио (рис. 12: 1–2), показ ног у многих фигур в профиль, тогда как верхняя часть туловища нарисована анфас (рис. 12: 1–3). Тем не менее, сочетания сходных признаков антропоморфов Финляндии с фигурой Беса немногочисленны, что не дает надежных оснований для вывода об их хронологической близости.

Наиболее многочисленная комбинация сходных признаков обнаружилась при сопоставлении фигуры онежского Беса с некоторыми антропоморфами на петроглифах Альты (скопления Амтманнсен и Сторстейнен) [Helskog, 2014. Fig. 155, 163, 170, 188, 189] (рис. 13: 2–6) и одной из гравировок на Канозерских петроглифах (группа Еловый-2) [Колпаков, Шумкин, 2012. С. 361] (рис. 13: 1).

Сходство некоторых антропоморфов на петроглифах Альты и фигуры с Канозеро (группа Еловый-2) с онежским Бесом проявляется в сочетании следующих оригинальных признаков:

- контурная голова и силуэтное туловище (контур туловища полностью заштрихован горизонтальными линиями или сеточкой) имеются у многих антропоморфов в скоплениях Амтманнсен и Сторстейнен, у одной из фигур на Канозеро (рис. 13: 1, 3, 5, 6);
- в основе ряда изображений на Альте и Канозеро лежит вертикальная линия, пересекающая туловище (рис. 13: 1–6). Иногда эта линия, выходя за пределы туловища, служит маркером мужского пола;
- туловище у фигур на Альте и Канозеро близко по пропорциям к простой геометрической фигуре – овалу (рис. 13: 1, 3, 5, 6) или прямоугольнику (рис. 13: 2, 4);
- ноги фигур на Альте и Канозеро, как и у Беса, начинаются не от туловища, а от проходящей через него вертикальной линии (рис. 13: 1–6);

- у некоторых антропоморфов нос показан в виде линии, отходящей от верхней части контура головы (рис. 13: 2, 6);
- на лице некоторых антропоморфов Альты обозначен широко разинутый рот (рис. 13: 5, 6);
- голова у ряда антропоморфов на петроглифах Альты приплюснута (рис. 13: 2, 5, 6);
- антропоморфная фигура в группе Еловый-2 на Канозеро является пятипалой, с поднятыми вверх руками (рис. 13: 1);
- шея у некоторых антропоморфов на Альте и Канозеро, как у Беса, показана непропорционально удлинённой (рис. 13: 1: 3, 5).

Иные признаки, в которых обнаруживается сходство между Бесом и антропоморфами Альты, Канозеро, имеют почти повсеместное распространение и широкие хронологические рамки: укороченные ноги (рис. 13: 1–6); туловище анфас, а ноги в профиль и т. п. (рис. 13: 1, 4).

Сходство фигуры Беса с некоторыми изображениями в группах петроглифов Альты проявилось и в том, что в скоплениях Амтманнсен и Сторстейнен, как и на Бесовом Носу, наиболее крупные по своим размерам антропоморфы значительно больше любых изображений копытных животных (олени или лося).

Ряд особенностей фигуры Беса, при сопоставлении их с основными чертами некоторых антропоморфов петроглифов Альты (четвертая стадия по К. Хельскогу) [Helskog, 2014. Fig. 25], позволил выявить сходный алгоритм последовательности создания этих изображений, который выражается в том, что любая из стадий гравировки, основывается на предшествующей, исключаяющей их свободное комбинирование (рис. 14). На первой стадии выбивалась прямая линия, затем обозначались отходящие от нее контуры головы и ног (вторая стадия). На третьей стадии контуром обозначалось туловище, которое (четвертая стадия) заполнялось сплошной выбивкой (Бес) или линиями, иногда в виде сетки (антропоморфы Альты

и Канозеро), на этой же стадии обозначались руки. На последней (пятой) стадии выбивались линии и кружки, обозначающие детали лица, и, иногда, знак полового органа (в виде кольца и т. п.) (рис. 14).

Аналогии отдельным чертам фигуры Беса можно найти и среди некоторых древних антропоморфных скульптур, обнаруженных на территории Северной Евразии. Среди имеющихся антропоморфных изображений, относящихся к памятникам первобытного мобильного искусства, фигура онежского Беса, на мой взгляд, обладает наибольшим сходством с пинежским бронзовым идолом. Он найден в 1909 году жителем села Кузомень на берегу реки Пинега (крупный правый приток Северной Двины), на глубине около 0,7 м, вместе с бронзовым кельтом. Находки поступили в Северный краевой музей в г. Архангельск [Рева, 1927]. Примечательно, что местный житель нашел эти вещи неподалеку от

того места, где годом ранее К.П. Рева проводил археологические разведки и сборы подъемного материала на распаханном поселении (городище?). Видимо, работы губернского археолога вызвали у местного населения интерес к поиску «чуждских» древностей (кладов), что не позволяет оценить опубликованные К.П. Рева сведения о залегании кельта и идола в одной яме в качестве достоверного факта. Пинежский идол в середине XX века был украден из музея [Куратов, 1978. С. 70]. В коллекции сохранился бронзовый кельт, происходящий с реки Пинега, предположительно, найденный рядом с идолом. У него шестигранная втулка, горизонтальные линии-валики у втулки, по классификации С.В. Кузьминых он принадлежит к группе КАН-II, отличается от типичных ананьинских кельтов наличием двух вертикальных орнаментальных валиков вдоль всех коротких граней.

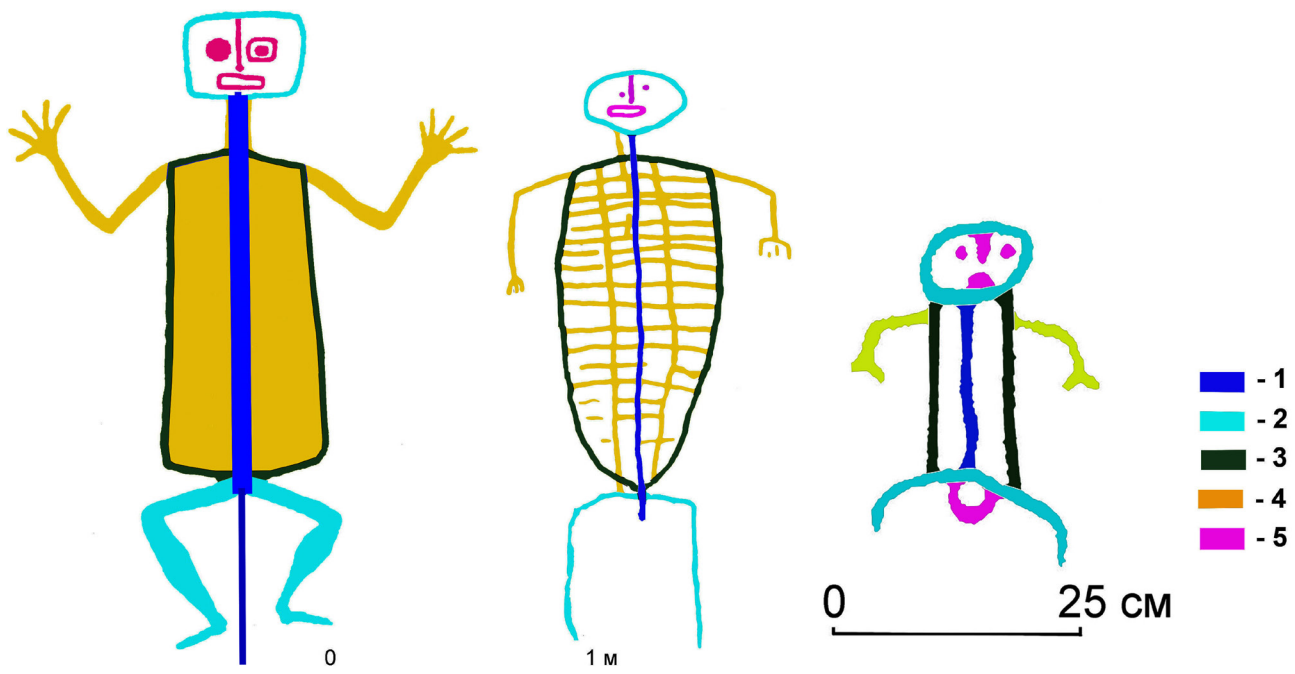

Рис. 14. Реконструкция последовательности создания (выбивки) изображения Беса и двух из антропоморфных фигур петроглифов Алтая (группа Амтманннес [Helskog, 1988. Р. 66-67]). 1 – первая стадия, 2 – вторая стадия, 3 – третья стадия, 4 – четвертая стадия, 5 – пятая стадия.

Пинежский идол обладает рядом сходных с онежским Бесом признаков:

- верхняя часть головы бронзового идола имеет трапецевидно-прямоугольную форму;
- открытый рот;
- ноги у идола изображены в профиль, а верхняя часть туловища показана анфас;
- у идола подняты вверх руки с пятью пальцами, что почти не имеет аналогий в бронзовой скульптуре эпохи бронзы и раннего железа Восточной Европы и Западной Сибири (обычно у антропоморфов на руках показаны два-три-четыре (чаще всего три) пальца) [Оятева, 2003. С. 55–56], что, с учетом фольклорных и этнографических данных, может рассматриваться как знак их принадлежности к иному миру [Жульников, 2005. С. 29];
- изобразительное противопоставление головы и туловища: у бронзового идола выпуклая сторона головы развер-

нута на 180 градусов по отношению к выпуклому туловищу, а у Беса голова оконтуренная (темная), тогда как туловище силуэтное (светлое);

- от головы пинежского идола, как и у Беса, через все туловище проходит вертикальная линия, заканчиваясь между ног.

Можно отметить и иные черты пинежского идола, подчеркивающие сложную структуру этого антропоморфного образа: на вогнутой стороне туловища можно различить пять фигурок, напоминающих изображения людей с разведенными в стороны руками и ногами; на выпуклой стороне туловища от вертикальной линии отходят зубчатые линии, похожие на ветки дерева; вдоль края головы нанесены мелкие штрихи; на ногах в районе колен имеются две полосы, возможно, изображающие деталь одежды (рис. 15). Своей «нагруженностью» знаками-символами пинежский идол сходен с фигурой онежского Беса.

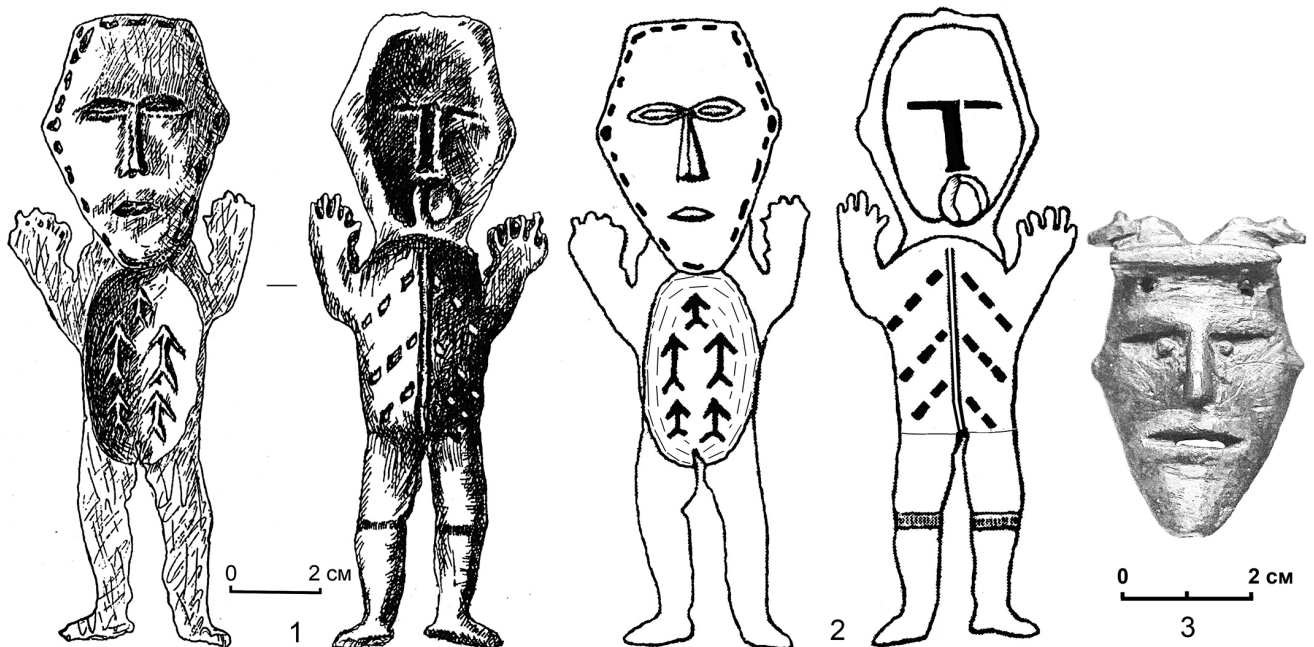

Рис. 15. Пинежский бронзовый идол и галичская бронзовая маска-личина. 1 – Пинежский идол в прорисовке К.П. Рева [Рева, 1927]; 2 – Пинежский идол в прорисовке А.А. Куратова и А.Я. Мартынова [Куратов, Мартынов, 1979]; 3 – галичская маска-личина [по: Шалахов, 2016. Рис. 1].

Хронология онежского Беса и обсуждение полученных результатов

Фигура Беса обнаруживает сходство по целому набору признаков с некоторыми антропоморфами на петроглифах Альты и Канозера. Кроме того, как удалось установить в ходе исследования, фигура Беса, некоторые антропоморфы на петроглифах Альты и Канозера созданы древними людьми примерно в одинаковой последовательности. Полученные данные позволяют объединить эти петроглифы в одну группу стилистически сходных антропоморфных изображений, что, в свою очередь, может свидетельствовать об их хронологической близости.

Наскальные изображения Альты по высотным данным и стилистическим особенностям фигур разделены К. Хельскогом на 6 хронологических групп (периоды I–VI). Антропоморфы Альты, имеющие сходство с фигурой Беса, относятся к четвертому периоду, датируемому по высотным данным 2700–1700 calBC [Helskog, 2014. Fig. 25].

Примечательно, что именно на четвертой стадии петроглифов Альты выбивались оригинальные крестообразные фигуры [Helskog, 2014. Fig. 25], которые имеются и в некоторых скоплениях наскальных изображений на Канозера [Колпаков, Шумкин, 2012. С. 132], что позволяет наметить линию синхронизации этих групп древних гравировок.

Недавно Кольской археологической экспедицией ИИМКа в ходе раскопок у подножия куполообразного скального выхода, на котором находится самая многочисленная группа Канозерских петроглифов Каменный-7, были обнаружены кремневые наконечники стрел с усеченным основанием, сланцевый наконечник стрелы типа Пюхеенсилта, обломок сланцевого желобчатого тесла и очень редкий для Кольского полуострова артефакт: обломок кремневого кинжала с коротким че-

решком. Предполагается, что эти орудия в древности намеренно принесены и оставлены рядом с петроглифами [Колпаков и др., 2020. С. 14–15]. Сочетание находок подобных типов (кроме кинжала) имеется на позднеэнеолитических поселениях Карелии, на которых обнаружена асбестовая керамика типа Палайгуба [Жульников, 1999]. Памятники с подобной керамикой датируются на территории Карелии по углю из жилищ и нагару на сосудах второй половиной III – первой половиной II тыс. до н. э. [Жульников, Тарасов, 2021; Гусенцова, Жульников, 2023], сходные датировки имеют и жилища Кольского полуострова, в которых обнаружена асбестовая керамика типа Палайгуба [Шумкин, 2012. С. 19, Рис. 10; Kolpakov et al., 2021. P. 39, Fig. 9: 11, 12]. Показательно, что типы наконечников, обнаруженные рядом с Канозерскими петроглифами, не встречены в Кольском Оленеостровском могильнике, датируемом по радиоуглеродным определениям в пределах второй половины II тыс. до н. э. [Колпаков и др., 2019. С. 351–352].

Учитывая наличие целого ряда сходных черт между фигурой Беса и пинежским идолом, важным является определение возраста данной бронзовой скульптуры. К.П. Рева, посвятивший интерпретации находки отдельную брошюру, впервые обратил внимание на сходство облика пинежского антропоморфа с галичскими идолами и личинами [Рева, 1927. С. 2]. Сходство пинежской фигурки с галичскими личинами проявляется в специфической форме головы, абрис которой образован почти прямыми линиями, а уши (в виде выступов) размещены на перегибе граней, а также в открытом рте (рис. 15: 1–3). Подбородок пинежской фигурки, как и у галичских идолов, расположен на уровне груди. В отличие от бронзовых ананьинских антропоморфов [Васильев, 2004] пинежский идол, как и галичские скульптуры, выполнен в технике не плоского, а объемного литья.

Галичские идолы и личины входят в состав Галичского «клада», состояще-

го из целого ряда иных бронзовых изделий, которые, по мнению С.В. Студзицкой и С.В. Кузьминых, образуют набор шаманских предметов. Характер металлических изделий Галичского клада указывает на его связь с сейминско-турбинскими древностями [Студзицкая, Кузьминых, 2001]. В настоящее время наиболее вероятный диапазон изделий сейминско-турбинского типа определяется периодом 2150–1600 calBC [Черных, Корочкова, Орловская, 2017. С. 54].

Все эти данные позволяют отнести Пинежского идола к эпохе бронзы, возможно, к ее финалу (с учетом наличия на внутренней вогнутой стороне головы петельки, возможной связи фигурки с шестигранным кельтом). В этой связи, интерес представляет предположение С.В. Кузьминых, что традиция шестигранных ананьинских кельтов восходит к сейминско-турбинской и самусьско-кажировской линиям развития, а ареал находок изделий подобной формы, в отличие от кельтов с овальным устьем, тяготеет к таежным культурам ананьинской историко-культурной области [Кузьминых, 2022. С. 246], где сибирские литейные традиции в законсервированном виде могли сохраняться на всем протяжении финальной бронзы.

В целом, выявленные аналогии позволяют отнести образ онежского Беса к финалу энеолита – началу эпохи бронзы (вторая половина III – первая половина II тыс. до н. э.).

Для того чтобы прояснить причины сходства между антропоморфными фигурами на петроглифах Альты, Канозера и Онежского озера, расположенных на столь значительном расстоянии друг от друга (рис. 1), попробуем обратиться к рассмотрению культурного контекста, с которым могут быть связаны анализируемые образы.

В финале энеолита – начале эпохи бронзы (вторая половина III – первая (возможно, вторая) четверть II тыс. до н. э.) на территории Карелии и Кольского полуострова получает распространение асбе-

стовая керамика типа Палайгуба, а в южной части побережья Онежского озера, бассейнах рек Онега и Северная Двина чирковская (фатьяноидная) керамическая посуда [Жульников, 2022]. На стоянках юго-восточного побережья Онежского озера чирковская (фатьяноидная) керамика немногочисленна. У северного основания Бесова Носа на подмываемом участке берега экспедицией В.И. Равдоникаса собраны фрагменты от одного сосуда типа Палайгуба [Земляков, 1936. Табл. 82: 1, 2], который имеет признаки влияния чирковской (фатьяноидной) керамики верхневолжского и средневолжского происхождения [Жульников, 2022. С. 198]. Севернее Бесова Носа чирковская керамика уже не встречается, поэтому наиболее вероятными претендентами на роль создателей фигуры Беса и сходного с ним антропоморфа на петроглифах Канозера являются группы населения с асбестовой керамикой типа Палайгуба. На территории Северной Норвегии на поселениях III тыс. до н. э. керамика не обнаружена, однако, исследованные здесь жилища (тип грессбаккен) однотипны постройкам, в которых на севере Кольского полуострова обнаруживается керамика типа Палайгуба и сходные с северо-норвежскими типами орудия [Kolrakov et al., 2021]. Большая часть подобных типов орудий характерна и для иных памятников с асбестовой керамикой типа Палайгуба [Жульников, 1999]. Таким образом, между достаточно удаленными друг от друга пунктами, где выявлены сходные с Бесом антропоморфные фигуры, можно наметить наличие в финале энеолита – начале эпохи бронзы признаков наличия устойчивых культурных связей, затрагивающих разные сферы материальной культуры.

Заключение

В ходе проведенного исследования получены дополнительные данные, свидетельствующие о том, что все три наибо-

лее крупные изображения Бесова Носа (Бес, сом, выдра) составляют единую композицию, видимо, выгравированную единовременно. При создании образов сома и выдры творцами петроглифов использован художественный прием гиперболизации, позволивший выполнить эти фигуры равновеликими как между собой (за счет увеличения длины хвоста по сравнению с естественными прототипами), так и с Бесом.

На мысе Бесов Нос выявлена стилистически связанная с фигурой Беса группа изображений животных (сом, лебеди), выделяющаяся прямоугольными очертаниями частей тела или туловища. Подобная локально расположенная в пределах западной оконечности мыса группа наскальных изображений бесовоносовского стиля не имеет аналогий в других группах наскальных изображений восточного побережья Онежского озера. На наличие генетической связи этой локальной группы с иными скоплениями Онежских петроглифов указывает обилие в ней фигур лебедей с гипертрофированными шеями.

Фигура Беса имеет наибольшее сходство по группе признаков с некоторыми

антропоморфными изображениями Северной Европы, датируемыми финалом энеолита – началом эпохи бронзы (2700 – 1700 calBC) по высотным данным (Альта) или облику каменного инвентаря, обнаруженного рядом с петроглифами (Канозеро) (подношения?). В это время на территории Восточной Фенноскандии получает распространение асбестовая керамика типа Палайгуба [Жульников, 2022]. Группы населения с керамикой этого типа являются наиболее вероятными создателями образа Беса и некоторых иных, стилистически и композиционно связанных с ним изображений на Онежских петроглифах. Распространение в середине III тыс. до н. э. населения с палайгубской асбестовой керамикой вплоть до севера Кольского полуострова (под влиянием миграции в восточную часть Балтийского региона населения культур шнуровой керамики?) могло стать тем фактором, который привел к появлению специфических сходных черт в облике антропоморфных персонажей трех петроглифических святилищ (петроглифы Альты, Канозеро и Онего), удаленных друг от друга на столь значительные расстояния.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках работы по проекту РНФ №19-18-00375 «Феномен асбестовой керамики в керамических традициях Восточной Европы: технологии изготовления и использования, структура межрегиональных контактов».

Литература

1. Аськеев И.В., Тарасов А.Ю., Шаймуратова Д.Н., Аськеев А.О., Монахов С.П., Аськеев О.В. Оценка сезонности археологического памятника по костным остаткам рыб. На примере энеолитической стоянки-мастерской Фофаново XIII на Онежском озере // Поволжская археология. 2022. № 3 (41). С. 158–69.
2. Атлас пресноводных рыб России. Том 2. М.: Наука, 2003. 253 с.
3. Блышко Д.В., Жульников А.М. Применение трехмерных моделей для распознавания естественных и искусственных выбивок на петроглифах Онежского озера (на примере изучения изображения контурной лодки на полуострове Кочковнаволоок) // Тверской археологический сборник. Выпуск 12. Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2021. С. 416–425.
4. Брюсов А.Я. История древней Карелии // Труды государственного исторического музея. Вып. IX. М.: Государственный исторический музей, 1940. 320 с.

5. Васильев Ст.А. Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие // *Археологические вести*. 2004. Вып. 11. С. 275–297.
6. Гурина Н.Н. Наскальные изображения Кольского полуострова // *Российская археология*. 1992. № 3. С. 5–18.
7. Гусенцова Т. М., Жульников А. М. Новые данные о датировке памятников с асбестовой керамикой энеолита – эпохи бронзы на территории Северо-Запада России // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2023. Т. 45, № 1. С. 8–19.
8. Девятова Э.И. Природная среда и ее изменения в голоцене. Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1986. 110 с.
9. Жульников А.М. Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1999. 224 с.
10. Жульников А.М. Петроглифы Карелии: образ мира и миры образов. Петрозаводск: Скандинавия, 2006. 224 с.
11. Жульников А.М. О хронологии наскальных изображений Белого моря // *Уральский исторический вестник*. 2010. № 1(26). С. 62–69.
12. Жульников А.М. О контактах населения с чирковской и асбестовой палайгубской керамикой // *Поволжская археология*. 2022. № 3 (41). С. 188–203.
13. Жульников А.М., Тарасов А.Ю. О происхождении и хронологии асбестовой керамики геометрического стиля типа Войнаволок // *Российская археология*. 2021. № 4. С. 21–34.
14. Земляков Б.Ф. Неолитические стоянки восточного берега онежского озера // *Равдоникас В.И. Наскальные изображения Онежского озера*. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. С. 111–141.
15. Колодовский И.И. Пропорции человека : методические рекомендации. Витебск: Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, 2014. 45 с.
16. Колпаков Е.М., Мурашкин А.И., Хартанович В.И., Шумкин В.Я. Кольский Оленеостровский могильник, 1925–2013. Санкт-Петербург ; Вологда : Древности Севера, 2019. 479 с.
17. Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. Петроглифы Канозера. СПб.: ИИМК РАН, 2012. 423 с.
18. Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. Мурашкин А.И. Кольская археологическая экспедиция // *Археологические открытия*. 2018 год. М.: Институт археологии РАН, 2020. С. 12–16.
19. Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 256 с.
20. Кузьминых С.В. Маклашеевка и постмаклашеевка: кельты финала бронзового века // *Археология Евразийских степей*. 2022. №2. С. 245–257.
21. Куратов А.А. Археологические памятники Архангельской области. Каталог. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1978. 103 с.
22. Куратов А.А., Мартынов А.Я. Пещерные рисунки на р.Пинеге // *Советская археология*. 1979. № 2. С. 246–250.
23. Линевский А.М. Петроглифы Карелии. Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. 194 с.
24. Лобанова Н.В. К вопросу о датировке наскальных изображений побережья Онежского озера (по материалам близлежащих археологических памятников // *Вестник Карельского краеведческого музея*. Вып.ч1. Петрозаводск: Карельский государственный краеведческий музей, 1993. С. 39–49.
25. Лобанова Н.В. Антропоморфные образы в наскальном искусстве Северной Фенноскандии // *Труды Карельского научного центра РАН*. 2013. № 4. С.3–15.
26. Лобанова Н.В. Петроглифы Онежского озера. М.: Изд-во Университета Дмитрия Пожарского, 2015. 440 с.
27. Оятева Е.И. Искусство Прикамья по материалам художественной металлической пластики: сборник научных трудов. Пермь: Пермский государственный педагогический университет, 2003. 129 с.
28. Равдоникас В.И. Наскальные изображения Онежского озера. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. 205 с.
29. Рева К.П. Бронзовый идол Северного краевого музея. Архангельск: Северный краевой музей, 2027. 12 с.
30. Савватеев Ю. А. Залавруга. Часть 1. Петроглифы. Л.: Наука, 1970. 443 с.
31. Савватеев Ю.А. Наскальные рисунки Карелии. Петрозаводск: «Карелия», 1983. 216 с.
32. Столяр А.Д. О генетической природе «Беса» Онежских петроглифов // *Проблемы архе-*

- ологии. Выпуск 2. Л.: Ленинградский государственный университет, 1978. С. 209–221.
33. Столяр А.Д. Вертикальное погребение (мезолит) как предтеча монументального антропоморфного образа // Археология в пути или путь археолога. Часть 1. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2001. С. 178–193.
 34. Студзицкая С.В., Кузьминых С.В. Галичский «клад» (к проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии) // Мировоззрение древнего населения Евразии. М.: Институт археологии РАН, 2001. С. 123–165.
 35. Тальгрэн А.М. Доисторические памятники на восточном берегу Онежского озера: К статье А. Ф. Шидловского // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. 1914. Т. 3, № 4. С. 227–228.
 36. Фараджев А.А. Контекстуальное направление в изучении наскального искусства Карелии // Вестник Карельского государственного краеведческого музея. Вып. 4. Петрозаводск: Карельский государственный краеведческий музей, 2002. С. 159–204.
 37. Фараджев А.А. Некоторые аспекты «Морфологии искусства» А.Г. Габричевского и контекстуальное изучение петроглифов Карелии // Проблемы сохранения, изучения и музеефикации петроглифов Карелии. Петрозаводск: Карельский государственный краеведческий музей, 2004. С. 111–122.
 38. Черных Е.Н., Корочкова О.Н., Орловская Л.Б. Проблемы календарной хронологии сейминско-турбинского транскультурного феномена // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45. № 2. С. 45–55.
 39. Шалахов Е.Г. Главная загадка «шаманской ризницы» (к 180-летней годовщине обнаружения галичского клада) // Этнокультурное взаимодействие на территории Верхнего Поволжья и сопредельных территорий в древности, Средневековье и Новое время. Кострома: Костромаиздат, 2015. С. 73–79.
 40. Швед П. Крестовый и Пелий мысы // Известия Русского географического общества. 1850. Книга 1. С. 68–72.
 41. Шумкин В.Я., Колпаков Е.М., Тарасов А.Ю. Поселение Завалишина-5 на берегу Баренцева моря // Первобытные древности Евразии: К 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. Москва: Институт археологии РАН, 2012. С. 611–622.
 42. Bakka E. Helleristningane på Hammer Beitstad, Steinkjer, Nord-Trøndelag. Granskingar i 1977 og 1981 // Rapport arkeologisk serie (7). Trondheim: Universitetet i Trondheim, 1988.
 43. Burkitt M.C. Prehistory. A study of early cultures in Europe and the Mediterranean basin. Cambridge: Cambridge University Press, 1921. 438 p.
 44. Forsberg L. En kronologisk analys av hällristningarna vid Nämforsen // Ekonomi och näringsformer i nordisk bronsålder. Umeå: Umeå universitet, 1993. P. 195–247.
 45. Grewingk C. Über die Granit gerityten Bilder gruppen am Ostufer des Onega-Sees // Bulletin de la Classe des sciences historiques, philosophiques et politiques de l'Academie des Sciences de St. Petersburg. 1855. Т. 12. № 7–8. P. 96–103.
 46. Helsing K. Helleristningene i Alta: Spor etter ritualer og dagligliv i Finnmarks forhistorie. Alta: Alta museum, 1988. 135 p.
 47. Helsing K. Communicating with the World of Beings: The World Heritage Rock Art Sites in Alta, Arctic Norway. Oxford and Philadelphia: Oxbow Books, 2014. 240 p.
 48. Kolpakov E.M., Murashkin A.I., Kiseleva A.M., Shumkin V.Ya., Mannermaa K. Kharlovka 1–6 on the Kola Peninsula: One of the Oldest Gressbakken House Sites in Northern Fennoscandia // Iskos: Materiality and Objects: Multi-disciplinary Approaches to Archaeological Material and Contexts. Vol. 24. Helsinki: The Finnish Antiquarian Society, 2021. P. 21–42.
 49. Lahelma A. A Touch of Red: Archaeological and Ethnographic Approaches to Interpreting Finnish Rock Paintings // Iskos 15. Helsinki: Finnish Antiquarian Society, 2008. 279 p.
 50. Poikalainen V., Ernits E. Rock carvings of Lake Onega: The Vodla Region. Tartu: Estonian Society of Prehistoric Art, 1998. 432 p.
 51. Poikalainen V., Ernits E. Rock carvings of Lake Onega III: The Besov Nos Region. Besov Nos, Kladoverts, Gazhi and Guri Localities. Tartu: Estonian Society of Prehistoric Art, 2021. 415 p.